

Следы на снегу

Автор:

Георгий Брянцев

Следы на снегу

Георгий Михайлович Брянцев

Военные приключения

На руднике, затерянном в далекой якутской тайге, происходит загадочное убийство. Слишком не похоже оно на обычные уголовные преступления. И чекисты устремляются в погоню за агентами иностранных спецслужб — врагами опытными, умело путающими следы, не останавливающимися ни перед чем...

«Следы на снегу» — знаменитый роман классика отечественной остросюжетной литературы Георгия Брянцева, столетие со дня рождения которого отмечалось в 2004 году.

Георгий Брянцев

Следы на снегу

© Брянцев Г.М., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для

частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Встреча в купе

Была темная осенняя ночь.

Ветер шумел в тайге, срывая с берез пожелтевшие жухлые листья. Лил холодный дождь. Лил надоедливо, долго насыщая землю влагой, разъедая дороги, заливая поймы, заполняя овраги, канавы, ямы. И казалось, не будет ему конца...

Рассекая ночную тьму, пробиваясь сквозь дождевую завесу, стремительно мчался курьерский поезд. Громадина паровоз, отфыркиваясь космами дыма и шипя паром, выкладывал перед собой яркую белую полосу. Победенный ослепительным светом, тяжелый и липкий ночной мрак, казалось, с тем большей силой отыгрывался на вагонах, свет от окон которых был бледным и тусклым и исчезал быстро, как видение.

Промелькнули затянутые мглой станции Сиваки, Ушумун, Тыгда Уссурийской железной дороги. Приближалась станция Талдан. Перед мерцавшим зеленым глазком семафора паровоз издал резкий продолжительный гудок. Эхо подхватило звук, перекаатило его по горным перевалам, переломило, занесло в таежные крепи и там схоронило.

В освещенном двухместном купе спального вагона, мягко покачивающегося из стороны в сторону и подрагивающего на стыках рельсов, стоял пассажир.

Он был средних лет, высокого роста, сухопарый и рано полысевший. Серыми, острыми и холодными, как осколки льда, глазами он то пристально всматривался в запотевшее оконное стекло, по которому кривыми струйками сбегал дождь, то поглядывал на ручные часы с светящимся циферблатом, то брал в руки лежащее на приоконном столике расписание поездов и быстро

перелистывал книжку.

В его движениях не было ничего суетливого, но они выдавали большое внутреннее напряжение.

Когда поезд загромыхал на стрелках, пассажир пригладил рукой остатки редкой светлой шевелюры и, открыв дверь, вышел из купе. Зная из расписания, что очередной остановкой должна быть станция Талдан, он, чтобы исключить малейшую возможность ошибки, громко спросил проводника вагона, заправлявшего ручной фонарь:

— Какая сейчас станция?

— Талдан, — коротко и деловито ответил тот.

Пассажир выждал с минуту и вернулся в свое купе. Быстрым движением снял с себя пиджак и остался в шерстяном джемпере темно-синего цвета с вышитыми на нем двумя белыми оленями. Затем извлек из заднего кармана кожаный портсигар, вынул папиросу, зажег ее и, бегло осмотрев себя в дверное зеркало, опять покинул купе.

В пустом коридоре у крайнего окна в теплой пижаме стоял единственный пассажир. Он посмотрел полусонным взглядом, потянулся с кряхтеньем, громко зевнул и, зябко ежась, пошел к купе.

Поезд подходил к станции. За окнами замелькали огоньки. Видно было, как на перроне в дождевых лужах быстро образовывались и лопались пузыри.

Постепенно замедляя ход, поезд заскрипел тормозными колодками, вздрогнул несколько раз и остановился.

Делая вид, что разглядывает вокзал, освещенный бледными в дождевом тумане огнями, и снующих по перрону людей, пассажир в темно-синем джемпере выжидательно наблюдал за входными дверями вагона. Когда в них показался новый пассажир, человек в джемпере облегченно вздохнул.

В спальный вагон вошел пожилой, коренастый, крупноголовый и коротконогий мужчина с монгольскими чертами лица. На нем была куртка из меха нерпы, отороченная по борту узкой полоской черной кожи, с поднятым кожаным воротником, высокие, болотные, сильно поношенные сапоги. В руке он держал небольшой дорожный мешок, сшитый из камусов. Вид у него был усталый, по широкоскулому лицу сбегали капли дождя.

Остановившись в нескольких шагах от пассажира в джемпере, вошедший что-то буркнул себе под нос и, сняв с головы суконную кепку, отряхнул ее.

Потом он голосом с сипловатой хрипотой спросил:

— Где же тут можно пристроиться? А?

— Половина вагона пустая, можете занимать любое место, — с излишней поспешностью ответил пассажир в джемпере. — Пожалуйста ко мне. Я один. Можно умереть от скуки, — и свои слова он сопровождал гостеприимно приглашающим жестом.

— Однако сосед я плохой, — недовольным тоном заметил вошедший. — Недалеко мне ехать... Совсем недалеко...

— Неважно, все равно вам где-то надо поместиться.

— Это да, верно...

— Проходите ко мне...

Дверь в купе закрылась.

Вскоре раздалось шипение тормозов. Затем ночной покой тихой, небольшой станции нарушили свисток главного и гудок паровоза. Состав дрогнул и плавно тронулся с места.

Новый пассажир, не торопясь, снял с себя мокрое кепи, куртку и повесил их на крючок. Примостившись на мягком диване, он поставил между ног свой дорожный мешок.

Помолчав немного, он вздохнул с шумом и лишь потом заговорил, путая русскую речь с якутской:

— Здравствуй, улахан тойон[1 - Улахан тойон — большой хозяин.] ... Добрался... Устал, однако, огонь в ногах. За билет дорого платить пришлось. Зачем так дорого? — и он медленно обвел глазами купе.

— Здравствуйте, Шараборин, — сухо ответил человек в джемпере и подошел к двери. Он повернул ручку замка, накиннул цепочку и, взглянув на часы, спросил: — До какой станции у вас билет?

Шараборин посмотрел ему в глаза и после небольшой паузы ответил:

— Большой Невер.

— Отлично. Как Оросутцев?

Шараборин неопределенно кивнул головой и ответил:

— Живет помалу... Хорошо живет... Разговор прислал, — и похлопал себя по голове, поросшей короткими жесткими рыжими волосами.

— Сколько времени шли? — поинтересовался человек в джемпере.

— А? — и Шараборин открыл рот.

— Шли... Шли сколько?

— А-а... Три месяца, однако. Да, три. Без малого три. Совсем трудно. Шибко трудно. Дороги нет. Мокро. Все пешком.

Человек в джемпере ничего не сказал, а, подойдя к окну, опустил и закрепил штору, затем, ткнув в пепельницу недокуренную папиросу, резко сказал:

— Приступим. Садитесь вот сюда, — он показал на место около приоконного столика и, открыв чемодан, начал в нем копать, затем разложил на столике

бритвенный прибор, налил из термоса в стакан горячей воды, окутал Шараборина по самую шею простыней, выдавил ему на голову из тюбика немного пасты и, намылив волосы, стал их сбривать наголо.

Шараборин сидел молча и неподвижно, как истукан, словно подчиняясь неизбежности. Он был занят собственными мыслями.

Человек в джемпере с брезгливой гримасой снимал с его головы жесткие, давно не видевшие воды и мыла, волосы и осторожно стряхивал их с бритвы на кусок газеты. Окончив бритье, он вынул из чемодана бинт, обильно смочил бесцветным составом из темного флакона и несколько раз тщательно протер бритую голову Шараборина.

Когда на коже начали явственно проступать ярко-фиолетовые буквы, человек в джемпере заставил Шараборина наклонить голову поближе к настольной лампе.

Он долго и внимательно всматривался в причудливый текст и, вооружившись автоматической ручкой, сделал какие-то пометки в своем маленьком блокноте.

— Так, так... — произнес он наконец. — Все ясно.

Шараборин сделал движение, будто хотел встать или изменить позу, но человек в джемпере положил руку на его плечо.

— Сидите, как сидели, — приказал он и вновь, уже другим составом, стал смывать текст на коже. И когда текст перестал быть виден, человек в джемпере, прижав одной рукой голову Шараборина, другой рукой стал писать на его голом черепе.

Он писал неторопливо, старательно выводя каждую букву. Из мелких убористых букв образовывались слова, фразы, строчки. Вначале они имели ярко-фиолетовый цвет, потом бледнели, как бы растворялись и исчезали.

Шараборин сидел с застывшим, окаменевшим лицом. Только уши его, большие, мясистые и оттопыренные, как-то странно шевелились.

— Все, — сказал человек в джемпере.

Шараборин сбросил с себя простыню, несколько раз осторожно провел большой шершавой ладонью по бритой голове и недовольно спросил:

— Опять обратно? — зрачки его глаз сузились.

— А вы думали? — бросил тот, укладывая в чемодан бритву, пасту, флаконы, кисточку.

— Я думал не так. Отдыхать надо. Опасно, однако. Ищут меня. Ты обещал в жилуху определить.

На лице человека в джемпере отразилось раздражение. Его тонкие губы поджались.

— Я знаю, что обещал. Еще рано говорить об этом.

— Зачем рано? Надо говорить. Мне своя шкура дорога. Словят меня в тайге. Как ни петляй — дорога одна. Много людей в тайге. Кончат пора, — и тяжелые глаза Шараборина, точно пауки, поползли по фигуре человека в джемпере, задержались на его левой руке, где на среднем пальце разноцветно играл в перстне дорогой камень.

Насупив редкие, колючие брови и сощутив глаза, человек в джемпере спросил:

— Сколько лет вам дали?

— Десять.

— Сколько отсидели?

— Однако, один год...

— Так вот, если будете ныть и пороть всякую чепуху, я могу помочь вам отсидеть оставшиеся по сроку девять лет.

Шараборин промолчал, застыв в неподвижности. Только руки его, большие, точно грабли, и неуклюжие, не находили себе места: они то потирали толстые колени, то мяли одна другую, то появлялись на кончике стола.

— Когда сможете добраться до Оросутцева?

Шараборин почесал голый затылок. Обратное путешествие ему не только не улыбалось, не только не устраивало его и шло вразрез со всеми его планами, оно пугало и страшило его. Как долго еще будет зависеть его жизнь от воли и желаний Оросутцева и этого облысевшего господина, известного ему под кличкой «Гарри»? Когда же настанет конец его хождениям по негостеприимной, нелюдимой тайге? Когда он, наконец, обретет покой, отыщет темную щелку, упрячется в нее и заживет, как живут другие, тихо, мирно, не думая с тревогой о завтрашнем дне, не опасаясь со дня на день и с часу на час попасть в руки органов правосудия? Почему Гарри и Оросутцев не жалеют и обманывают его? Обещают, но ничего не делают? Где и как без их помощи отыскать эту темную щелку?

— Сейчас десятое сентября, — подсказал Гарри, полагавший, что Шараборин мысленно производит какие-то подсчеты.

Желваки на лице Шараборина задвигались. Он вздохнул и уныло произнес:

— Зимней дороги надо ждать. Худо теперь. Совсем худо. Пеши худо, на коне худо, лодки нет. Опять дождь.

— Ждать нельзя, — отрезал Гарри.

Шараборин покачал головой.

— Так когда же? — настаивал Гарри.

Шараборин выдержал длительную паузу, посмотрел на Гарри немигающими глазами и неуверенно, как человек, не имеющий собственной воли, произнес:

— Видать, в декабре.

— Не позднее?

— Видать, так...

— Это меня устроит. — Гарри вынул из висящего на крючке пиджака толстую пачку сторублевок и бросил ее Шараборину.

Тот быстро схватил деньги задрожавшими вдруг руками и принялся пересчитывать их, обильно слюнявя пальцы. Он пересчитал раз, другой и лишь потом сунул пачку в карман своих брюк. Чтобы убедиться в том, что деньги попали именно туда, куда следует, он похлопал рукой по карману, и подобие улыбки искривило его толстые губы.

— Хватит? — спросил Гарри.

Шараборин кивнул несколько раз головой. Про себя он уже прикидывал, куда и как надо пристроить полученное вознаграждение и какую сумму составят все его сбережения.

— У вас теперь много денег, — заметил с усмешкой Гарри, как бы разгадав его мысли. — Вы стали богатым человеком, а со временем будете еще богаче. Сможете жить там, где захотите.

Шараборин изменился в лице. Его раскосые глаза стали еле-еле видны из узких щелей.

— Трудные деньги... Тяжелые деньги, — пробурчал он.

Гарри полез в чемодан, вынул оттуда несколько учебников для начальных классов, завернул их и подал Шараборину.

— Спрячьте, пригодятся.

Затем дал небольшую, в плотной обложке синюю книжечку.

— Это диплом об окончании вами учительского института. Будете учителем. Учителей здесь любят. Дадут и ночлег, и транспорт. И паспорт сможете

получить, имея диплом. Ну, вот и все, кажется. А теперь собирайтесь, скоро Большой Невер.

Шараборин положил диплом в карман. Учебники спрятал в дорожный мешок.

— Правильный ли диплом-то? — спросил он.

Гарри скривил в усмешке губы.

— Правильный, не сомневайтесь. Укладывайте все и одевайтесь...

На станции Большой Невер Шараборин покинул спальный вагон.

Гарри вышел в туалет, отряхнул простыню, выбросил там газету с волосами, затем, брезгливо морщась, тщательно вымыл руки и протер их одеколоном.

За окном по-прежнему лил дождь.

Таас Бас

Скованная морозом, погруженная в ночное безмолвие, долгим зимним сном спала тайга. От нее веяло суровой строгостью и безмерным спокойствием. Она напоминала огромный сказочный таинственный мир. Белокорые березы касались земли своими тонкими струйчатыми ветвями. Обнявшись мохнатыми лапами, теснились молодые, с игольчатыми верхушками ели, а над ними высились могучие и гордые медноствольные сосны.

Высокое черное небо, затканное мириадами дрожащих звезд, походило на опрокинутую чашу. От поздней луны, источавшей бледный свет, ложились причудливые тени.

Местами этот свет едва-едва пробивался сквозь сложные сплетения заиндевевших ветвей.

Тишину лишь изредка нарушали потрескивание коры на деревьях да вызывающие дрожь крики голодной совы.

Но вот в таежную тишину вошел новый звук. Звук, сначала едва уловимый, далекий, невнятный, а потом все более отчетливый, скрипящий.

Скользили лыжи по снегу.

Это шел Шараборин.

Он долго, очень долго пробирался непроходимой чащей, петлял, обходил стойбища охотников и жилые места, вновь залезал в самую глухомань и вот, наконец, дошел до места, когда тайга раздвинулась, расступилась и открыла перед ним небольшую поляну.

Шараборин устал, измотался. Последний километр пути был особенно труден и отобрал у него остаток сил. Каждый новый шаг, каждое движение уставших рук, каждый глоток морозного воздуха давались Шараборину все с большим трудом, причиняли все новые и новые страдания.

И вот, наконец...

Выйдя на поляну, Шараборин остановился, вслушался. Тишина. Вгляделся и не сразу заметил, как сквозь молочно-белую морозную дымку, висевшую над поляной, выступила срубленная из вековых бревен глухая одинокая избенка.

Из трубы ее, полузанесенной снегом, тонкой струйкой вился дымок, выпрыгивали и плясали в воздухе, точно светлячки, частые искорки.

Из маленького квадратного оконца, затянутого голубоватой мутью, робко высвечивал слабенький, желтоватый огонек.

Шараборин не двигался с места. От голода и холода, от усталости и чрезмерного нервного напряжения его начало знобить. Он хорошо знал якутскую тайгу, исхоженную им вдоль и поперек, ее реки и их притоки, редкие селения и одинокие станки и сейчас призывал на помощь свою память, которая должна была подсказать ему, кому принадлежит эта манящая к себе избенка, где,

конечно, есть и тепло, и мясо, и крепкий чай. Он ясно понимал, что никто не должен его видеть, знал, что ему следует опасаться не только человека, но даже звезд и луны, свет которых может его выдать, поможет навести людей на след. Он долго стоял, но вспомнить, чья это изба, не мог.

В Шараборине происходила жестокая внутренняя борьба. Он был не в силах противостоять соблазну. Веселый дымок и приветливый огонек манили к себе, притягивали. Но он колебался, проклиная себя за робость, нерешительность, малодушие. В нем уже поднималась злоба к этой сгорбленной, с выпученными внизу углами жалкой избенке, прижавшейся к стене леса, придавленной толстым слоем снега. Он уже ненавидел самого себя, свое уставшее, ноющее в суставах тело, натруженные и непослушные ноги, руки, огрубевшие, прихваченные морозом, пустой желудок, надоедливо и мучительно требующий пищи.

«Однако, пойду, отдохну малость... — решил Шараборин, пересилив голос благоразумия. — И чего боюсь? Совсем как женщина. В доме, видать, кто-то один живет. Но кто же, кто?»

Шараборин сделал шаг вперед, замер на месте и насторожился: до его слуха донесся подозрительный звук. Притаенно молчала тайга, но там, у избенки, в тени деревьев повизгивала безголосая, неуловимая глазом, северная собака.

Дверь в избе отворилась, очертив рамку света. В рамке показалась человеческая фигура, и раздался голос, заставивший вздрогнуть Шараборина:

— Эй, Таас Бас! Зачем воешь? Иди сюда...

Что-то большое и мохнатое юркнуло в дверь, и она захлопнулась.

Страх кольнул в самое сердце Шараборина. У него захватило дух.

— Таас Бас... Таас Бас... — шептал он замерзшими губами. — Так вот кто живет в избе... Однако, я чуть не попался, пропал бы, совсем пропал и задаром...

Одичалым взглядом он обвел поляну, попятился назад, собрался весь, сжался в комок и сильным броском перенес свое тело в сторону от дороги.

Превозмогая усталость, Шарборин пошел в обход поляны, по цельному снегу, отмечая путь четкими следами лыж. Ноги теперь будто сами несли его.

* * *

Хозяин избы член колхоза «Рассвет», старый, известный в округе охотник якут Быканыров проснулся чуть свет. Открыв глаза, он охнул и сейчас же закрыл их.

Только что во сне он видел себя на охоте. В сетке, поставленной им у дупла неохватной лиственницы, бился гибкий и верткий горноста́й, и вдруг, как назло, пропал сон, пропал и горноста́й.

Старик лежал еще некоторое время неподвижно, боясь шелохнуться, плотно сомкнув веки, надеясь, что приятный сон вернется к нему, но надежды его оказались тщетны. Сон минул.

«Хороший сон... Хороший горноста́й... — посетовал старик и открыл глаза. — А что же я лежу? Кто будет за меня разводить камелек? Кто пойдет проверять капканы? Кто покормит Таас Баса?»

Старик перевернулся с боку на бок, приподнял голову и увидел, что стрелка на «ходиках», висящих на стене, приближается к цифре десять.

— Ай-яй-яй! — как бы осуждая свое поведение, сказал Быканыров, поцокал языком, но продолжал лежать. Его глаза забегали по комнате, остановились на потухшем за ночь камельке, скользнули по шкуркам белок, лисиц, горностаев, сушившимся на распялках, пробежали по стеллажу с аккуратно разложенными на нем охотничьими припасами, заглянули в темный угол избы, где в небольшом бочонке хранилось засоленное впрок мясо сохатого, и остановились на бескурковке центрального боя с натертым до блеска прикладом.

Ружье всегда вызывало светлые воспоминания у старика. Он и сейчас подумал о своем далеком и верном друге, который подарил ему это ружье.

— Однако, пора вставать... Совсем ленивый стал, — произнес вслух Быканыров. Он нерешительным движением сбросил с себя большую оленью доху, сел на деревянной койке, застланной пушистой медвежьей шкурой, и свесил босые

ноги.

— У-у... как холодно, — заметил он, поежившись, и начал быстро обуваться.

Полчаса спустя уже ярко пылал камелек, и озаренная его светом комната преобразилась и стала уютной.

Быканыров набил махоркой глиняную трубку и распалил ее угольком от камелька. Потом надел через голову короткую дошку из мягкого пыжика и перетянул ее ремнем.

За дверьми слышалось повизгивание собаки.

— Сейчас, Таас Бас, сейчас иду... — подал голос Быканыров и, сняв с колышка на стене коробку из березовой коры, сгреб в нее со стола остатки еды.

Утро стояло морозное, ясное. Чистый воздух, густо настоенный на горьковатых запахах хвои, щекотал в носу, в горле. Лучи восходящего солнца, с трудом пробиваясь сквозь верхушки сосен и елей, золотили поляну. Где-то совсем близко перекликались рябчики.

Пес, восторженно взвизгнув, радостно бросился к хозяину. Он забежал вокруг него, начал подпрыгивать, пытаясь лизнуть в лицо, потом отбежал в сторону, припал на передние лапы, зарывшись мордой в снег, и, наконец, набегавшись вдоволь, улегся у ног Быканырова, уставившись на него преданными глазами.

— Таас Бас... Таас Бас... — дружелюбно заговорил старик. — Ой-ей, есть хочет пес! Ну на, ешь вперед хозяина, — и он опрокинул коробку.

Пес накинулся на еду, помахивая пушистым хвостом.

Таас Бас был необычно велик ростом и походил на волка не только сильно развитой грудью, но и пышной шерстью желто-серой окраски, и черной полосой на спине, и крутым темно-дымчатым загривком. Это был верный друг, чуткий охотник, опытный, неутомимый следопыт, смелый, выносливый пес, не боящийся никаких невзгод и морозов, родившийся и выросший в тайге.

Пока он с хрустом кромсал мощными челюстями мясные кости, Быканыров, попыхивая трубкой, осматривал широкие и недлинные лыжи, подбитые жестким, коротко остриженным камусом.

— Ну ешь, ешь... — сказал Быканыров и направился обратно в избу. — Сейчас пойдем с тобой косачей добывать. И завтрак, и обед будет у нас. Нам много не надо: одного-двух подстрелим, и хватит.

Войдя в избу, старик подбросил несколько поленьев в камелек, чтобы он не прогорел до его возвращения. Потом взял с полки патронташ и проверил каждый патрон. Сняв со стены бескурковое ружье центрального боя, он долго разглядывал, будто видел впервые, и, любовно погладив приклад, закинул за плечо.

Быканыров был очень удивлен, когда, закрыв за собой дверь, не увидел Таас Баса. Никогда этого не бывало. Всегда пес ждал его и следовал за ним неотступно.

Старик огляделся и увидел пса у конца поляны, у излома наезженной дороги. Таас Бас, фыркая и энергично встряхивая головой, что-то обнюхивал.

Старый охотник, встав на лыжи, подошел к собаке и увидел уходящий круто в сторону от дороги совсем еще свежий лыжный след.

Быканыров выбил остатки табака из потухшей трубки и, всмотревшись в след, покачал головой.

— Однако, Таас Бас, кто-то не захотел зайти к нам этой ночью, — обратился он к собаке. — Совсем близко прошел и ушел. Не захотел воспользоваться нашим гостеприимством. Что же это был за человек? Почему он не зашел к нам? Куда он пошел? — продолжал он по старой привычке разговаривать с собакой.

Таас Бас, стоя в снегу по самое брюхо, поводил ушами и, тихонько повизгивая, всем своим видом как бы призывал хозяина заняться обследованием обнаруженного следа.

След заинтересовал и Быканырова. Перебравшись на свежую лыжню, он средним шагом пошел по ней, внимательно всматриваясь вперед. Таас Бас прыгал по цельному снегу, выдерживая между собой и хозяином небольшую дистанцию.

Зоркий, опытный глаз старого таежного охотника сразу подметил и определил многое: лыжню проложил таежный человек, и скорее всего якут. Шел он на северных коротких и широких, как у Быканырова, лыжах и без помощи палок. Походка у него тяжелая и необычная, немного припадает на левую ногу. Он очень устал, так как сделал четыре остановки, несколько раз прислонялся к стволу дерева, а один раз даже опустился на снег, для того, видно, чтобы передохнуть.

Пройдя километра полтора и обнаружив, что лыжный след полукругом обегает поляну, где стоит его изба, Быканыров без труда понял, что неизвестный сделал крюк умышленно.

На втором километре старик увидел Таас Баса. Тот лежал на хорошо утоптанном месте и, высунув розовый язык, тяжело дышал.

Быканыров приблизился и также без труда определил, что неизвестный именно здесь делал привал и, возможно, спал. Он не разводил огня, но вмятые в снег ветви ели говорили о том, что на них лежал человек.

А дальше от привала в тайгу опять шел все тот же, еще более свежий след лыж.

На месте привала неизвестного Быканыров присел на корточки, вынул из кармана трубку, набил ее табаком, закурил. Взгляд его стал озабоченным, встревоженным. В голове безотчетно зароились беспокойные мысли. Что вынудило человека скрываться? Почему он, уставший, пренебрег теплом, отдыхом и предпочел спать на голом снегу, на холоде?

«И, видно, желудок у него был пуст, коль нет никаких следов еды», — подумал Быканыров и, оторвавшись от раздумий, опять обратился к своему спутнику Таас Басу:

— Зачем он спал здесь? Почему не пришел к нам? У нас хорошо, тепло... Как ты думаешь?

Пес встал и завилял хвостом. Он склонял голову то в одну, то в другую сторону и заглядывал в глаза хозяину.

— Мы должны знать, что за человек был здесь, — продолжал Быканыров. — Однако неспроста он обошел нашу избу. Однако неспроста он испугался нас. В тайге так не бывает. В тайге человек человеку тогор[2 - Тогор — друг.]. Видать, это худой человек. И в голове у него что-то худое. Пойдем обратно домой. Захватим припасов и пойдем по следу...

Быканыров приподнялся и посмотрел на небо.

Таас Бас, как бы поняв его мысли, взвизгнул и бросился по лыжне к дому.

Верный и преданный друг старого охотника Таас Бас был участником многочисленных и опасных приключений за несколько лет своей жизни в тайге.

Однажды на охоте, когда смертельно раненный медведь бросился на Быканырова и уже готов был подмять его под себя, собака, защищая хозяина, самоотверженно бросилась на зверя и с яростью вцепилась ему в горло.

Медведь дважды огромной когтистой лапой ударил собаку по голове, но та не только устояла, но и выжила, сохранив на лбу глубокие рубцы. С тех пор за ней прочно закрепилась кличка Таас Бас, что означает по-якутски Каменная голова.

Ночное свидание

Шараборин был уже недалеко от цели, когда его настиг обильный снегопад. В полном безветрии снег падал ровно, тихо, большими мягкими хлопьями и ровным слоем ложился на уже белую, покрытую первым снегом землю.

Снегопад и радовал и пугал Шараборина. Радовал потому, что снег заметал его следы, а свои следы, как всякому злоумышленнику, ему хотелось скрыть. Пугал потому, что снег сильно затруднял и замедлял движение. К тому же как ни экономил Шараборин, но еще вчера иссякли ничтожные остатки провизии, и

сейчас он испытывал знакомые ему муки голода. Оставалась в запасе лишь начатая фляга спирта, но она ничего не значила без еды.

Правда, у Шараборина были деньги. Много денег. Последний и довольно большой куш он недавно получил от Гарри. Часть денег Шараборин хранил в своем таежном тайнике, куда, кроме него, не ступала ни одна человеческая нога, а часть держал на всякий случай при себе. Но что такое деньги в тайге для такого человека, как Шараборин? Ненужные бумажки, лишний груз, лишнее беспокойство. В любом наследном совете, в фактории Якутпушнины, в приисковом поселке Шараборина спросят, кто он и куда держит путь. А если и не спросят, то опознают в нем старого знакомого, и тогда... Нет, тайга — плохое дело. Здесь нет ресторанов, буфетов, ларьков и магазинов с заманчивыми вывесками, которых так много на железнодорожных станциях, где можно купить все, что душе угодно, и где никто не спросит тебя, кто ты такой, откуда, где взял деньги. Плохо в тайге. И хоть велика она, не окинешь глазом, а каждый человек в ней на виду и на счету, да еще такой человек, как он.

Шараборин боялся наткнуться невзначай на жилье, на стойбище охотников, на людей. Он боялся показать себя и воздавал хвалу небу, что, переборов себя, не заглянул в избу старого охотника — хозяина Таас Баса.

И вообще чем меньше он будет попадаться на глаза людям, тем лучше.

Пока все шло удачно, но надо, чтобы удача сопровождала его и далее.

Может быть, это его последняя ходка к Оросутцеву? А потом он станет свободен и не будет чувствовать над собой хозяина? Деньги, хотя и нажитые нечестным путем, ничем не отличаются от тех, что добыты горбом и мозолями.

Деньги остаются деньгами. А денег у Шараборина достаточно, чтобы, не заглядывая в завтрашний день, прожить, ни в чем себе не отказывая, добрый десяток лет. Да и как знать, возможно, что эти деньги принесут новые деньги!..

Чувствуя дрожь во всем теле от голода и холода, безмерно уставший, измученный долгим путем и озлобленный, Шараборин к исходу дня достиг наконец цели.

Снег перестал идти. Прояснилось, похолодало. Над горизонтом висело заходящее густо-красное негреющее солнце.

Сквозь поредевшую тайгу Шараборин увидел небольшой рудничный поселок.

Шараборин хорошо знал это место: он его покинул полгода назад, когда отправился на свидание к Гарри. А сейчас Шараборин не мог внутренне не подивиться, как это успел так увеличиться этот маленький, затерявшийся в тайге, глухой поселок? Что движет его рост? Что за люди живут в нем и заставляют его разрастаться? Шараборин заметил две совершенно новые улочки, аккуратные и крепкие, точно кедровые орешки, домики, рубленные из свежей сосны, с весело улыбающимися окнами. И, конечно, в этих новых домах, как и в старых, в тех, что он видел полгода назад, живут беспокойные люди, потому что из труб домов выются тоненькие и совсем лиловые в лучах заходящего солнца дымки.

Шараборин услышал человеческие голоса, от которых за время скитания по безлюдью, глухомани, по таежным крепям уже отвыкло его ухо. И эти голоса не радовали, а тревожили напряженные и измотанные нервы, озлобляли и без того недоброе сердце Шараборина.

Он остановился, оперся о ствол сосны, сощурил свои узко прорезанные глаза и закусил толстую, мясистую губу. Он тяжело переводил дыхание и слышал, как учащенно стучит его сердце.

Между тем быстро наступали сумерки. Солнце уже скрылось в тайге.

Шараборин чувствовал, что теряет остатки сил и воли, но ум его работал. Он понимал, что сейчас, в данный момент, вход в рудничный поселок ему закрыт. Закрыт до той поры, пока на тайгу окончательно не падет ночь, пока сон не смежит глаза жителей поселка.

Неощутимые токи морозного воздуха донесли вдруг до Шараборина сильный раздражающий запах. На него дохнуло чем-то сытным, вкусным, приятным.

Дохнуло так сильно, что запершило в горле, защекотало в ноздрях, засосало внутри, свело скулы. Шараборин глотнул воздух, и болезненная гримаса изуродовала его лицо.

Он молил судьбу и небо об одном, о том, чтобы поскорее попасть в теплый дом, хоть что-нибудь съесть и поскорее избавиться от этого нудного, сверлящего чувства голода.

Сумерки сгущались, но наметанный глаз Шараборина легко подметил, как из домика с одним оконцем, стоявшего на отшибе, вышел высокий мужчина и направился в глубь поселка. Около рудничной конторы он встретился с другим мужчиной, поменьше его ростом, который, судя по его неторопливой походке, скорее прогуливался, чем шел с какой-нибудь определенной целью.

Двое мужчин несколько секунд постояли на месте, а потом медленно пошли рядом, о чем-то разговаривая, и скоро скрылись с глаз Шараборина.

Сколько времени прошло с этого момента, — он не помнит. Ему показалось, что прошла целая вечность. Но вот к однооконному домику, стоявшему на отшибе, быстрыми шагами стал приближаться высокий мужчина.

Несмотря на темноту, Шараборин видел, как этот высокий человек, подойдя к дому, остановился, помедлил, пошарил в карманах и достал, видимо, ключ, так как после этого послышался звук, похожий на тот, который производит ключ, вставленный в замочную скважину.

Дверь открылась и закрылась, и вскоре через оконце пролился неуверенный свет. С этой минуты Шараборин не сводил глаз с домика, где его ожидало спасительное тепло, и Шараборину казалось, что он больше ощущал, чем видел однооконный рубленый домик, сливающийся с темнотой. Но Шараборин ожидал. Время идти еще не настало. Полузамерзший, он продолжал стоять около сосны, прислушиваясь и вглядываясь вперед.

* * *

Когда настала полночь и в поселке погасли огни, Шараборин медленно, все время озираясь, подполз к домику, рванул дверь на себя и, переступив порог, вошел внутрь.

Человек, сидевший на табурете возле жарко пылавшей железной печи, спиной к двери, резко обернулся и встал. Он был значительно выше Шараборина и головой едва не задевал горевшую в полнакала, под самым потолком засиженную мухами и запыленную лампочку. На нем была застиранная байковая рубаха, стеганые ватные брюки, торбаза из камуса, достигавшие бедер и поддерживаемые тоненькими ремешками, закрепленными за поясной ремень, на котором висел длинный якутский охотничий нож.

Хозяин, нахмурившись и немного наклонив голову, посмотрел на вошедшего, окутанного клубами холодного воздуха, и не сразу узнал его. И лишь когда холодный воздух растворился и Шараборин, как медведь, встряхнулся всем корпусом, хозяин дома скорее угрюмо, чем приветливо, проговорил низким, неприятно отрывистым голосом:

— Шараборин! Капсе[3 - Капсе — говори, рассказывай. Часто употребляется якутами вместо приветствия.].

— Сох капсе[4 - Сох капсе — нечего рассказывать.]. Дорообо[5 - Дорообо — здравствуй.], Василь... — устало ответил Шараборин.

— Где тебя столько времени нелегкая носила?

Шараборин шумно вздохнул, будто сбросил с себя непосильную ношу, и, скинув доху, опустился на койку.

— Есть хочу... Есть... Дай, а то подохну...

Хозяин молчал.

Шараборин на мгновение замер, тупо уставившись на свои ноги.

— Покорми, — вновь, раздраженно заговорил он. — Пропадаю. Арыгы бар[6 - Арыгы бар — Водка есть?]?

— А деньги есть? — в свою очередь, спросил хозяин и усмехнулся. — Если есть, тогда и спирт будет.

Шараборин нехотя полез в карман. Он точно знал, что не имеет мелких денег, и, скрепя сердце, вынул и отдал сторублевку.

— Ну вот, сейчас и выпьем. И под хорошую закуску, — сказал хозяин, натягивая на себя ватную стеганую фуфайку. — Садись ближе к печи и обогрейся. Продрог, видно. Садись, я быстро вернусь.

Дверь открылась и вновь закрылась. Опять за клубился холодный воздух, но горячее дыхание раскаленной печи сразу съело его.

Шараборин пересел с койки на табурет возле самой печи. От усталости, от охватившего его тепла и спертого воздуха, от сырой невыделанной кожи и пересушенных валенок его начало размаривать. Он сразу опал, как перестоявшееся тесто, и тупым взглядом обвел комнату. Ее убранством служили кривоногий сосновый стол, два табурета, железная, выдавшая виды кровать, заправленная меховым одеялом, и полка для посуды и еды, завешанная пожелтевшей от времени газетой. В углах большой слабо освещенной, с черными, закопченными стенами комнаты таились сумрачные тени.

Взгляд Шараборина остановился на узком окне, затянутом толстым слоем льда.

«Видно через него снаружи или не видно? — подумал Шараборин. Ему хотелось, чтобы он и сейчас, здесь в избе, был не видим никем. — Нет, не видать, шибко толстый лед...»

Шараборин с трудом осознавал, что сидит в избе, под надежной крышей, у горячей печи, а там, за этим вот окном, затянутым льдом, — лютый холод.

Под влиянием тепла и усталости в его затуманенной голове возникали разные картины.

Ему чудилось, что он еще бредет по тайге, продираясь сквозь чащобу, путаясь лыжами в заметенном снегом буреломе и валежнике, падает. Тогда он вскакивал с табурета с приглушенным криком и недоуменно водил вокруг глазами...

Хозяин вернулся в дом через полчаса. Он вынул из-за пазухи литровую бутылку водки, уже прихваченную у самого горлышка морозом, и поставил ее со стуком на стол, снял с себя ватник и бросил его на койку.

— Вот сейчас и погреемся, — проговорил Василий, потирая руки и заглядывая под газету на полке.

— Пора, пора... — глухо отозвался Шараборин. Он томительно выжидал, когда хозяин выставит на стол что-нибудь из еды.

Тот снял с полки и поставил на стол большую эмалированную миску со студнем, кусок холодного вареного мяса, несколько пшеничных лепешек, донышко от разбитой бутылки, наполненное крупнозернистой солью.

— Садись, непутевый, — с усмешкой пригласил хозяин гостя к столу и, взяв литровку в руки, ловким и несильным ударом выбил из нее пробку.

Шараборин, сделав над собой усилие, поднялся и, чувствуя, как дрожат ноги, придвинул табурет и сел.

Хозяин наполнил две жестяные кружки водкой. Своим большим охотничьим ножом разрезал на четыре равные части покрытый корочкой застывшего жира студень и разломил на куски лепешки.

— Пей! — подал команду Василий так резко, что Шараборин даже вздрогнул.

Он трясущейся рукой взял кружку, быстро поднес ее ко рту и залпом выпил всю водку.

— Ну как? — поинтересовался, усмехаясь, Василий, зажав в руке свою кружку.

— Учугайда[7 - Учугайда — хорошо.] ... — ответил Шараборин и жадно набросился на еду. В мгновение ока проглотил два куска студня, даже не прожевав их как следует, затем, круто посолив мясо, принялся за него. И лишь утолив первый голод, более спокойно произнес:

— Однако шибко трудно было. Долго шел к тебе. Почти сто дней шел. Будь она проклята, эта дорога.

Василий неторопливо, маленькими глотками отхлебывал из кружки водку, причмокивал языком и как бы в знак согласия со словами гостя кивал головой.

— Когда же ты видел Гарри? — спросил он, опорожнив бутылку.

Шараборин проглотил кусок мяса и, принимаясь за новый, ответил:

— В сентябре.

— С документами пришел или опять нелегалом?

— Гарри дал диплом. Теперь я учитель. А все одно, без паспорта боязно, все идешь и оглядываешься. Как человек — так в сторону шарахаешься. А как спишь — разное плохое снится.

— Ну и как же ты дальше думаешь? — поинтересовался Василий, тоже начиная закусывать.

Шараборин промолчал и сделал вид, будто не слышал вопроса. Он знал, что можно и чего нельзя говорить Василию. Знал, что за человек Василий, и обычно к его заинтересованности относился настороженно и даже со страхом.

Он знал, что из рук Василия не так просто вырваться, знал, что всякий, ставший на его пути, мог заранее считать себя погибшим, знал и кое-что другое. Шараборин питал неприязненные чувства к Василию, временами даже ненавидел его. И эта ненависть накапливалась постепенно, годами, с того далекого, ушедшего в прошлое, но не забытого дня, когда их впервые свела злая судьба на узкой таежной тропе. Произошло это недалеко от границы, где никак нельзя было разминуться. Тогда впервые Василий отдал Шараборину приказание.

Да, Шараборин хорошо знал Василия, а поэтому в каждом его слове, вопросе, намерении, совете, распоряжении всегда искал что-то затаенное, какую-то заднюю мысль, направленную против себя. Шараборину было известно, как

расправлялся Василий иногда со своими проводниками, которые доводили его до границы, и благодарил Бога, что трижды благополучно отделялся от Василия. Шараборин запомнил на всю жизнь, как однажды Василий бросил его без гроша в кармане и без документов на произвол судьбы в незнакомом и чужом Шараборину городе Харбине, объяснив все после тем, что он был якобы пьян и ничего не помнит. На самом же деле Василию очень хотелось тогда, чтобы Шараборин попал в лапы жандармерии.

— Что же ты молчишь? — спросил Василий.

— А?

— А-а! Глухая тетеря.

Шараборин постарался изобразить на лице добродушную улыбку и вышел из-за стола. Он сел на полу посредине комнаты, снял с ног торбаза, чулки из заячьего меха и начал растирать уставшие ноги.

Его левая ступня напоминала собой деревянную колодку, на которой торчал небольшой черный сучок — остаток уцелевшего пальца-мизинца.

Остальные четыре пальца ноги ему начисто отхватило пулей при побеге его в прошлом году из лагеря.

— Здорово тебя обработали, — заметил хозяин дома Василий.

— Ничего, здорово, — согласился Шараборин.

— Хромаешь?

— Маленько хромаю, — и, чтобы не тревожить себя неприятными воспоминаниями, заговорил о другом: — А как тут, на руднике?

Василий вынул пачку «Беломорканала», закурил.

— Место спокойное. Тайга — святое дело.

— А на ту сторону ходил?

По лицу Василия скользнула тень.

— Трудновато теперь. Время другое. Изменилось многое. Китайцы погоду подпортили. Ну а Гарри что сказал? Выкладывай.

Шараборин медленно обулся, встал и похлопал себя по голове.

И на этот раз Василий сказал, как бывало с ним часто, — резко и грубо:

— Гарри написал что-нибудь?

— Да, маленько написал.

— Давай-ка быстрее намыливай голову. Вон таз с водой, а вон обмылок. Действуй, а я пока бритву направлю.

Пока Шараборин послушно намыливал успевшие отрасти рыжие волосы, Василий достал из чемодана бритву, направил ее на ремне, попробовал лезвие на своем ногте.

— Садись, — сказал он, вытолкнув ногой на середину комнаты табурет, и, когда Шараборин водворился на нем, упершись руками в колени, Василий начал брить его голову.

Хозяин брил, а гость, борясь с одолевавшей его дремотой, размышлял над тем, почему Гарри и Василий не все ему доверяют и не высказывают ему всех своих планов. Его донимала обида. Вот уж в который раз в течение последних лет до ареста и судимости и после их он ходил от Василия к Гарри и обратно. Терпит лишения, невзгоды, голод, холод, подвергает постоянно свою жизнь опасности, а так и не знает, какая между ними тайна, о чем они переписываются, что они боятся доверить ему. А тайна, видать, важная, если они ее так оберегают.

Но приходила в голову и другая мысль: может быть, так лучше, что Гарри и Василий не посвящают его полностью в свои дела. Обидно, конечно, что они не считают его своей равней, но, наверное, так безопаснее. Одно дело отвечать за

что-то, тебе неизвестное, и совсем другое — за то, что ты сам хорошо знаешь.

А лучше всего, конечно, избавиться вовсе и распрощаться как с Василием, так и с Гарри. Распрощаться и покинуть Якутию. Как ни просторна она, как ни густа тайга в ней, но шагать по ней с каждым годом становится все труднее, все опаснее. Правда, Гарри обещал пристроить его где-нибудь за пределами Якутии, но можно ли положиться на Гарри и верить ему? Давно он обещал это, но что-то не торопится исполнить свое обещание. А жить в вечном страхе, вечной неуверенности надоело. Сильно надоело. Да и как долго наконец ему еще таиться диким зверем, спать и глядеть одним глазом, точно заяц, ожидать со дня на день, что вдруг схватят, скрутят и упекут опять в лагерь! Деньги на первое время есть...

— Прямее сядь, — строго приказал Василий и ткнул Шараборина пальцем в лоб.

Шараборин оторвался от своих мыслей. Он почувствовал, что череп его снова гол и что Василий натирает его бритую голову влажной тряпичкой. На гладкой коже головы уже проявлялись отчетливо и контрастно мелкие фиолетовые буковки.

Василий сосредоточенно всматривался в закодированный Гарри текст и, когда уяснил и запомнил смысл распоряжения, еще раз протер голову Шараборина и сказал:

— Все, теперь ложись спать...

Шараборин встал, облегченно вздохнул и стряхнул с себя пучки налипших волос.

— Однако, крепко спать буду, — сказал он, трогая голый затылок.

— Ну и спи, — разрешил Василий.

Той Хая

Обильно выпавший снег прочно укрыл замерзшие реки, загроможденные наносником, озера, болота, кочкарники, мшаны, мари, валежники и, как бы выровняв, скрыл все изъяны земли. И залег снег надолго, до далекой-далекой в этих местах весны.

Установились лютые морозы: столбик ртути опускался порой за сорок градусов. На скованных морозом реках вспухал, пучился и лопался лед, и прорывавшаяся наружу вода образовывала натеки, наледи, именуемые по-местному тарынами. Над ними курился густой, как молоко, холодный пар.

Раскалывались с ружейным треском стволы деревьев, и звонко, чуть ли не за километр было слышно, как скрипят неподрезанные полозья саней. Земля окоченела так, что при ударе металлом можно было выбить искру.

Закрепилась длинная якутская зима.

В центре переплетения якутских хребтов лежал, будто затерянный и отрезанный от жилых мест огромными пространствами, небольшой районный центр. Домики стояли поодаль друг от друга, вытянувшись в одну длинную улицу. В крайнем, более крупном, по сравнению с остальными домиками, мерцал огонек. Шагах в двадцати от него на чистом снежном фоне четко вырисовывались контуры самолета, закрепленного на расчалках. У самолета маячила одинокая фигура. Вот человек вскарабкался на крыло самолета и влез в кабину. Минуту спустя задвигался винт, мотор чихнул, фыркнул, заставив вздрогнуть самолет, сердито выплюнул через выхлопные трубы комки огня и черного дыма, чихнул еще несколько раз сряду и потом заработал четко, гулко, бесперебойно.

Прогрев мотор и выключив его, человек в меховом комбинезоне, похожий на медведя, легко выпрыгнул из кабины, натянул брезент и прошел вокруг самолета. Он окинул все хозяйским взглядом, попробовал прочность крепления и лишь тогда направился к дому, в котором мерцал огонек. Он открыл тяжелую толстую дверь, обитую лошадиной шкурой.

Просторная комната с вымытым добела деревянным полом освещалась керосиновой лампой, висящей в самом центре.

У стола, на деревянной скамье, перед портативной радиостанцией, с наушниками на голове сидела девушка в военной гимнастерке с погонями сержанта. Она напряженно вслушивалась в таинственные «точка — тире», шедшие по эфиру откуда-то издалека, и быстро наносила их на лист бумаги.

Перед ярко пылавшим в очаге огнем стоял худой, высокий майор с продолговатым суровым лицом и ясным, твердым взглядом. Его жестковатый, крупный и плотно сомкнутый рот походил на прямую линию. Глубокая ложбинка разделяла надвое большой подбородок, коротко подстриженные волосы были тронуты сединой. На лбу, возле уголков глаз и рта — морщины. Его тонкие брови тянулись к самым вискам.

Майор, расставив ноги, грел у огня руки, а когда дверь открылась, — обернулся.

Не пристальным, а спокойно-внимательным взглядом он посмотрел на вошедшего и низким голосом спросил:

— Ну, как там дела, старший лейтенант?

Вошедший был летчик, якут Ноговицын. Смуглое широкое приветливое лицо хранило на заметно выпирающих скулах отпечатки таежного мороза. Черные подвижные глаза старшего лейтенанта смотрели весело и пытливо. С первого взгляда Ноговицын мог показаться не в меру широким, громоздким, неповоротливым, но как только сбросил с себя огромный меховой комбинезон, стал небольшим крепышом.

Он энергично потер руки и подошел к майору.

— Сильно хорош мороз, — бодро сказал он. — Под сорок пять градусов подкатывается. При таком морозе, как говорит мой командир, можно превратиться в ледяную окаменелость.

Ноговицын бросил взгляд на занятую приемом радистку, повесил комбинезон на деревянную перекладину возле печи и, усевшись на скамью у стены, стал снимать торбаза.

— Вы представляете себе, — продолжал он, обращаясь к майору, — что это значит, когда ртуть падает за сорок? Это значит, что обыкновенный ртутный градусник летит к шутам и на его место выходит спиртовой.

Майор кивнул головой и, тихонько насвистывая, вынул из кармана коробку «Казбека» и протянул Ноговицыну.

— Курите, старший лейтенант.

Майор тоже взял папиросу, помял ее, постучал мундштуком о ноготь большого пальца и, ловко выхватив голый рукой из очага маленький уголек, прикурил.

— Разрешите? — потянулся к нему со своей папиросой Ноговицын.

Они теперь вдвоем стояли у огня и молча дымили папиросами.

После долгой паузы майор спросил летчика Ноговицына:

— Не застрянет в дороге наш механик?

Ноговицын пожал плечами:

— Не думаю. Он проворный паренек. И потом, до нефтебазы дорога хорошо накатана, и коней ему хороших дали. Тут всего езды-то туда и обратно часа три, не более. Я был как-то на этой нефтебазе. Да и другого выхода у нас нет. Масла не хватит. — Он помолчал немного, посмотрел еще раз на радистку, перевел глаза на койку в углу, с разостланным на ней спальным мешком, и добавил: — А что если я попробую доспать недоспанное? А? Возражений не будет?

— Отдыхайте, — сказал майор, и Ноговицын направился к койке.

Радистка закончила прием, сняла наушники и закрыла радиостанцию.

— Из Якутска, Надюша? — поинтересовался майор.

— Так точно. Сейчас расшифрую.

Девушка встала из-за стола и полезла в сумку, висевшую у окна. Она была невелика ростом, хорошо сложена и, как женщина севера, сравнительно широка в плечах и немного узка в бедрах. В ее округлом лице мягко сочетались черты русской и якутской женщины: большие темно-серые глаза, прикрытые густыми ресницами, тонкие прямые брови, прямой нос, заметно выделяющиеся скулы, густые черные волосы, заплетенные в две косы и уложенные на затылке. Четкий рисунок небольшого рта с как бы припухшими губами, и смуглый цвет кожи.

Вернувшись к столу, она села за расшифровку радиограммы.

Майору очень хотелось знать, что сообщает Якутск. Два дня назад, по радио, он полностью отчитался о проделанной здесь работе, о точном выполнении полученного задания. Вчера ему разрешили вылететь в Якутск из района, где он провел с радисткой Надей Эверстовой без малого два месяца.

Сегодня за ним прислали специальный самолет, чтобы сократить время на обратный путь до Якутска, так как на перекладных этот путь занял бы добрую неделю.

В чем же дело? Зачем еще радиограмма, когда все сказано, пересказано и уточнено через летчика Ноговицына? О чем может идти речь? Может быть, он что-нибудь не так сделал? Или его отчет, возможно, потребовал пояснений?

«Да нет, не может быть, — подумал про себя майор. — Все ясно, как божий день. А если ясно, тогда зачем же?..»

Летчик Ноговицын, решивший доспать недоспанное, лежал с открытыми глазами и поглядывал на радистку. Видно, и его не меньше, чем майора, интересовало содержание радиограммы. Ему ясно приказали в Якутске лететь за майором и радисткой и побыстрее возвращаться, так как предстоял вылет в Олекму, а теперь вдруг радиограмма. Интересно, очень интересно.

Майор, накинув ватную фуфайку, вышел из избы. Его мгновенно охватил обжигающий студеной воздух. Он невольно поежился: ну и мороз!

Поздняя луна в морозном венце, осторожно раздвигая гребешок тайги, прокрадывалась на небо. Майор вдохнул воздух и сразу почувствовал, как будто кто-то кончиком иголки дотронулся до верхушек его легких. Он плотно сомкнул

губы, запахнул поплотнее фуфайку.

Когда он вернулся в избу, сержант Эверстова встала из-за стола, подошла к нему и подала листок бумаги.

— Из Якутска, срочно... — сказала она.

Майор быстро пробежал глазами содержание небольшой радиogramмы и невесело усмехнулся.

— Ну вот, видите, Надюша! Я вам говорил, что никогда не загадывайте вперед. Вы, кажется, мечтали завтра кушать пироги дома?

Лицо радистки выражало разочарование. Она вскинула округлые плечи и покачала головой.

— Бывает...

— Что такое, если не секрет? — спросил Ноговицын. Он приподнялся с койки, отбросил спальный мешок и спустил ноги.

— Никакого секрета нет, — ответил майор. — Вы правильно сделали, что послали за маслом. Натe, познакомьтесь, — и он подал летчику радиogramму.

Ноговицын прочел вслух:

«Майору Шелестову. Командировку продляю на десять суток. Немедленно вылетайте с радисткой на рудник Той Хая, разберитесь с происшествием и результаты радируйте. Посадочная площадка к вашему прилету будет подготовлена. Полковник Грохотов».

— Да-а-а... — протянул Ноговицын, возвращая радиogramму. — Вместо Якутска — Той Хая. Это, конечно, не одно и то же, скажем прямо. Я как-то пролетал над рудником, но садиться не садился. Вот дела-то какие... — Он вынул из-под подушки планшетку с картой и начал отыскивать на ней местонахождение рудника.

Майор Шелестов прочел еще раз распоряжение полковника Грохотова и, подойдя к очагу, бросил бумагу в огонь.

— Значит, командировка затягивается, — заметил, ни к кому не обращаясь, летчик Ноговицын.

— Ничего не попишешь, — сказал майор. — Приказ есть приказ.

Полковник правильно рассчитал. Отсюда до Той Хая, наверное, раза в два ближе, чем от Якутска.

— Два часа лету при попутном ветре, никак не больше, — доложил старший лейтенант и захлопнул планшетку. — Вот я и выпался, — добавил он весело.

— Да, спать не придется, — сказал майор, взглянув на часы. — Хватило бы времени к возвращению механика уложиться. Собирайте свое хозяйство, Надюша.

* * *

В бездонном небе, среди звездной россыпи, глухо рокоча мотором, плыл невидимый с земли самолет. Под ним лежала, казалось, беспредельная и бесконечная, непроходимая и глухая тайга. Ночью, с высоты, она походила на безбрежное окаменевшее море.

Радистка Эверстова, примостившись в уголке, у сложенных вещей, и натянув на себя до пояса спальный мешок, дремала.

Майор Шелестов сидел, привалившись плечом к стенке фюзеляжа, и досадовал на себя, что не послушал летчика и отказался от спального мешка.

Он чувствовал, как под его теплую одежду пробирается мороз и холодит тело.

Ему казалось, что время тянется как никогда медленно и что летят они не второй час, а целую вечность. Он завидовал Эверстовой, что та, пригревшись, дремлет и этим сокращает время.

А тут еще в голову лезли всякие мысли. Что за происшествие стряслось на руднике Той Хая? Видимо, какое-то необычное, чрезвычайное, коль скоро потребовался немедленный вылет. Да и срок командировки продлен на десять суток. Это не шутка — десять суток. За такой срок можно облететь все районы Якутии.

Пробыв долгое время в командировке, Шелестов последние дни высчитывал каждый час, приближающий его встречу с женой и дочуркой, по которой он уже стосковался. Сегодня вечером он подумал: «Даже не верится, что через шесть-семь часов я буду дома». И вот теперь радостное свидание отодвигалось на целых десять дней. Да и неизвестно еще, хватит ли этих десяти дней на то, чтобы разобраться с происшествием. Происшествия бывают разные. Уж поскорее бы узнать, в чем там дело. Нет ничего хуже неведения, хотя бы оно продолжалось лишь несколько часов.

Старший лейтенант Ноговицын плавно положил машину на бок, затем выровнял ее и повел на снижение. Шелестов поежился, подергал плечами и потянулся к оконцу. Он подышал на него, и сквозь проталинку увидел мигающие внизу огоньки поселка, приближающиеся и быстро увеличивающиеся костры. Их было много, больше десятка, и они образовывали длинный и широкий коридор. Потом замелькали маленькие, подвижные на снегу точки — бегающие люди. И снова майор подумал: что же произошло на руднике?

«Даже в таком глухом месте не обходится без происшествий, — подумал он. — Что за времена пошли такие беспокойные!»

Самолет опустился на свои лыжи, гладко, без толчков и тряски пробежал по ровному цельному снегу и замер, рокоча приглушенным мотором.

Майор Шелестов выпрыгнул из кабинки первым и затанцевал на месте, стараясь отогреть прихваченные морозом ноги. К нему тотчас же подбежало двое мужчин: один высокий, в короткой легкой оленьей дошке, другой небольшого роста, в огромной, видимо, тяжелой волчьей дохе с пушистым лисьим воротником.

Лиц обоих майор не смог рассмотреть при всем желании.

— Товарищ Шелестов? — последовал вопрос со стороны человека в волчьей дохе. Он приблизился к майору, пытаясь разглядеть его лицо.

— Так точно, Шелестов. С кем имею дело?

— Я заместитель директора рудника по найму и увольнению — Винокуров, — представился человек в волчьей дохе. — А это — комендант рудничного поселка, — представил он спутника.

— Белолубский, — назвал себя высокий, подал руку и поинтересовался: — Промерзли?

— Немного есть...

— Да, морозец правильный, до костей пробирает, — заговорил Винокуров тоненьким голоском и вдруг пронзительно крикнул: — Эй, ребята! Закройте самолет хорошенько и оставьте одного дежурить. А через часок я смену подошлю. Так бросать машину, без присмотра, неудобно.

— Правильно, — одобрил Ноговицын.

Вышли механик и радистка.

— Прошу в сани, — пригласил Винокуров. — Тут совсем рядом — с полкилометра. Мы только час назад получили указание по радио подготовить для вас посадочную площадку и выложить костры. И, как видите, все в порядке, как на заправском аэродроме. Собрали быстро людей, подвезли сухих дров, керосину. Нам и мороз нипочем.

Все направились к саням, стоявшим в отдалении.

Винокуров не шел, а бежал легонько, вприпрыжку, сбоку тропинки, по которой шагал майор и его спутники. Шелестову казалось, что заместителя директора следовало бы похвалить за проявленные им распорядительность и расторопность, но он почему-то промолчал.

Широкие русские, усталые сеном розвальни приняли в себя всех прилетевших, Винокурова и Белолобского. Пузатый и мохнатый конь всхрапнул, привычно тронул с места тяжелый груз и легко потащил его к рудничному поселку.

На пригорке у самого поселка розвальни начало раскатывать по наезженной дороге, и старший лейтенант Ноговицын пошутил:

— Побалтывать начинает...

Эверстова засмеялась, но Шелестову было не до смеха. Он был не прочь пройтись пешком до поселка, чтобы отошли ноги.

Рудничный поселок ночью выглядел беспорядочным: его можно было принять за скопище деревянных построек, разбитых без плана, без улиц.

Розвальни катились возле высокого дощатого забора, иногда задевая его, и, наконец, остановились у занесенного снегом, неуютно выглядывшего рубленого домика.

— Вот тут для вас комнату приготовили, — показал на дом рукой Винокуров. — Это у нас специально для приезжих, вроде как гостиница «Гранд-Отель» в Москве. Правда, она не совсем благоустроена, но...

— Это неважно, — прервал его майор Шелестов. — Устраивайте моих товарищей, а мне надо побеседовать с директором.

— Директор в отъезде, я за него.

— Ну, тогда с вами.

— Сейчас?

— Конечно, сейчас. Где тут удобнее место для этого? — и майор, сойдя с саней, начал оглядывать теснящиеся вокруг домики.

— Пожалуйста, ко мне. Это рядом, — предложил Винокуров и обратился к коменданту: — Товарищ Белолобский, проводите гостей. Печь там горит,

постели готовы. Распорядитесь насчет еды. Посмотрите, хватит ли дровец на ночь. Если маловато, то не выпрягайте лошадь и подбросьте охапки три-четыре березовых. Можно у меня взять.

— Понятно, — коротко отозвался комендант и пригласил летчика, механика и радистку следовать за ним.

Винокуров провел майора Шелестова в рудничную контору, — строение барачного типа, — где помещался его кабинет.

Пока Винокуров отыскивал подходящий ключ, так как свой он некстати оставил дома, Шелестов разглядывал доску на стене, залепленную листочками разных объявлений.

Наконец они попали в кабинет, и Винокуров включил верхний и настольный свет.

В кабинете Винокурова, кроме старомодного стола, нивесть откуда попавшего сюда, большого кожаного кресла и железного шкафа в углу, ничего не было. И пока Винокуров отыскивал стул для гостя, Шелестов подумал, что заместитель директора или очень деловой человек, не любящий, когда у него засиживаются посетители, или очень строгий начальник, которому нравится, когда его подчиненные докладывают ему стоя.

Теперь при свете, когда Винокуров почти утонул в глубоком кресле, майор смог рассмотреть его внешность. Это был подвижный, небольшого роста человек с белыми выцветшими бровями, из-под которых по-детски наивно смотрели маленькие голубые глаза. У Винокурова был тонкий острый нос и вьющаяся русая бородка, которую он то и дело подергивал. Общий вид у него, как решил майор, был какой-то расстроенный, вымученный. Казалось, что его мозг занят разрешением недоуменной или непосильной для него задачи.

Закурив и выдержав паузу, насколько позволяло приличие, Шелестов обратился к заместителю директора:

— Что у вас произошло?

Винокуров как бы подпрыгнул на месте, занял удобную позу и, вцепившись руками в подлокотники кресла, заговорил:

— Странная, темная история. Именно темная. Вам, конечно, известно значение нашего рудника. Предприятие, так сказать, номерное, особое. Сейчас ведутся все подготовительные работы к официальному открытию и пуску в эксплуатацию рудника в первом квартале нового года. Помимо этого правительством рассмотрен и утвержден план создания на базе нашего рудника целого комбината. Вы понимаете — комбината? Комбината, который преобразит все вокруг. И это в тайге, в глуши, вдали от железной дороги, где несколько лет назад не ступала нога человека. Когда я задумываюсь...

— Одну минутку, — вежливо прервал майор. — Значение и перспективы вашего рудника мне отлично известны. Это не совсем то, что мне сейчас нужно. Меня сейчас интересует другое, что за происшествие у вас стряслось?

— Пожалуйста, пожалуйста... Прошу прощения. Я полагал, что это будет иметь значение. Так сказать — фон. Общий фон. — Он часто заморгал глазами, вскинул кверху свои белые брови и продолжал: — Я могу короче. У нас произошло убийство...

— Убийство?

— Да, или самоубийство. И все как-то странно и необычно, — продолжал Винокуров, вертя пальцами лоскуток кожи на кресле. — Сегодня утром уборщица в кабинете директора рудника неожиданно обнаружила мертвым инженера Кочнева. Пуля, вероятно, из пистолета, попала ему в голову, чуть пониже правого глаза и не вышла наружу. Да, осталась там. — Винокуров хлопнул себя по голове. — Можно полагать, что смерть наступила мгновенно. Больше того, судя по позе, в которой был найден Кочнев, нельзя не предположить, что нападение было совершенно неожиданно, внезапно...

— Позвольте, — опять прервал его майор Шелестов. — Если вы думаете о самоубийстве, то при чем тут нападение?

— Виноват. У меня все перепуталось. Самоубийство, пожалуй, исключается. Оружия при Кочневе не обнаружено. И при жизни я никогда не видел у него ничего похожего на пистолет.

Винокуров говорил и вертел пальцами лоскуток кожи, стараясь его оторвать, и, кажется, его усилия достигали цели.

— Чем ведал на руднике инженер Кочнев? — спросил Шелестов.

— Ничем.

Майор откинулся на спинку стула. Ему показалось, что заместитель директора не понял его вопроса.

— Какую он занимал должность?

— Никакой. Он представитель Главка из Москвы и был здесь в командировке. Собственно, не только здесь, а в целом ряде мест Якутии. На нашем руднике за эту командировку он — уже третий раз. Третий и последний.

— Но чем он занимался?

— Только на днях он закончил работу по составлению плана нового промышленного района, который должен возникнуть здесь. Я же вам говорил, наш рудник — первая ласточка. Кочнев ждал возвращения директора рудника, хотел с ним что-то согласовать и должен был лететь в Москву.

— А где директор?

— И директор, и парторг в Якутске, в тресте на совещании. Они должны еще задержаться на пленуме обкома. Я тут один за всех. Кто в командировке, кто в отпуске.

— В Якутске знают об убийстве?

Винокуров сделал протестующий жест.

— Нет, нет. Я через свою радиостанцию, тотчас после обнаружения трупа, передал им о том, что произошло чрезвычайное происшествие, а что именно — не указал. Счел неправильным уведомлять об убийстве открытым текстом. Как

вы находите, правильно я поступил?

— Пожалуй, правильно. А в котором часу уборщица обнаружила мертвого Кочнева?

Винокуров насупил брови и значительным взглядом посмотрел на Шелестова, потом перевел глаза на потолок.

Шелестов сообразил, что интересующая его деталь заместителю директора неизвестна.

— Не знаете?

Винокуров сделал страдальческое лицо и печально, с трогательной простотой, признался:

— Да, не знаю. Уборщица ко мне прибежала страшно испуганная, пожалуй, часов в восемь утра. Да, наверное так. Я был еще в постели. Я вскочил, мигом оделся, помчался за комендантом поселка, и вместе с ним мы побежали в контору. Там мы все и увидели. Первое, что сделали, это опечатали комнату, даже не заходя в нее и ничего не тронув. Второе — уведомили Якутск...

— Ясно, ясно... — в раздумье произнес Шелестов. — Когда вы лично видели инженера Кочнева живым в последний раз?

Винокуров подергал свою бородку, отодрал наконец лоскуток кожи от кресла и ответил:

— Вчера, часов в десять вечера.

— Где?

— В том же кабинете, где нашли его мертвым. Кочнев обычно там работал и спал. Но я вам должен сказать, что после меня его видел Белолобский.

— А кто это такой?

— Белоловбский?

— Да.

— Я же вас с ним познакомил, — улыбнолся Винокуров. — Белоловбский — это комендант поселка.

— А-а-а... Верно, верно, — и майор умолк.

Пауза затянулась, потом Шелестов встал и попросил Винокурова провести его в комнату, где обнаружили убитым Кочнева.

* * *

Расставшись с заместителем директора после осмотра трупа, майор Шелестов задумался. Как всегда в таких случаях, в голову лезла масса мыслей, подчас важных, значительных, а подчас и никчемных. Он знал, что надо что-то немедленно предпринимать. Надо начинать расследование, но начинать так, чтобы первыми действиями не испортить всего дела. И начинать лишь тогда, когда в собственной голове созреет определенный план действий.

А такого плана пока еще не было. И это нервировало. Однако многолетний опыт работы научил его терпению и умению держать себя в руках.

И сейчас, идя в дом, где ожидали его товарищи, Шелестов говорил самому себе:

— Ничего, ничего... Все будет в свое время. Может быть, вначале придется идти неуверенно, даже, возможно, по неправильному пути, но потом, дальше, я отыщу нужную нить, ухвачусь за нее и размотаю весь клубок. А самое главное, надо самому себе ясно представить, с чего и как начать.

Первые шаги

В просторной комнате, обшитой дранками, но еще не оштукатуренной, от жарко натопленной печи и табачного дыма стояла духота. Спали все: летчик Ноговицын, механик Пересветов, радистка Эверстова. Не спал лишь майор Шелестов. Он сидел за столом в шерстяной нательной рубашке и теребил руками свои коротко стриженные волосы. Он просматривал протоколы допросов свидетелей, акт осмотра места происшествия, документы, оставшиеся после смерти инженера Кочнева. Просматривал и пытался осмыслить каждую, на первый взгляд даже малозначащую деталь, каждый ответ свидетеля на поставленный ему вопрос.

У Шелестова не возникало никаких сомнений в том, что представитель Главка — инженер Кочнев, старый коммунист и видный работник, стал жертвой преднамеренного убийства. Это подтверждалось всем, что добыл Шелестов за короткое время своего пребывания на руднике. Но совершенно непонятными были мотивы убийства. Недоброжелателей и врагов на руднике, как человек посторонний, Кочнев не имел. Все секретные документы, над которыми он долго работал, и главным образом план нового промышленного района, имеющего большое государственное значение, оставались целыми и невредимыми. Они были на месте, в сейфе, стоявшем в той же комнате, где было найдено тело Кочнева. Сейф оказался запертым, замки нетронутыми, ключи от сейфа обнаружены в кармане шубы Кочнева, которая и сейчас продолжала висеть на вешалке. Винокуров заявил, что Кочнев обычно держал ключи от сейфа и дверей кабинета именно в кармане шубы, и ничего необычного в этом не было. Партийный билет, удостоверение личности, командировочное удостоверение, два аккредитива и паспорт Кочнева оказались при нем.

— Зачем же понадобилось его убивать? — спросил сам себя вслух Шелестов. — С какой целью? Кому это нужно было? Кому помешал инженер? Почему не тронуты его личные и служебные документы?

Шелестов раздумывал, строил предположения. Надо было, в первую очередь, уяснить себе, с чем он столкнулся: с политическим или уголовным преступлением. Но разве это так просто и легко сделать? А между тем его профессия налагала на него обязанности видеть и знать то, что не могли знать и видеть другие.

Шелестов постучал пальцами о край стола и, оторвав глаза от бумаг, встал. Встал и лишь тогда почувствовал, как душно в комнате. Он подошел к окну, разрисованному витиеватыми морозными узорами, и открыл форточку.

Клубы холодного воздуха, точно под сильным напором, ворвались в комнату, заметались в ней, затуманив свет электролампочки.

Шелестов посмотрел на крепко спящих друзей и, заметив, что одеяло сползло с механика Пересветова, поправил одеяло.

Потом опять вернулся к окну и, глубоко вдохнув чистый свежий воздух, сказал вполголоса:

— Хорошо... Очень хорошо... — И в голове сразу стало как-то светлее.

Он стоял и наблюдал, как легкий, теплый, насыщенный духотой воздух вытекает поверху через форточку наружу, а свежий, холодный и тяжелый, быстро вливается в комнату, оседает и уже приятно холодит ноги, руки, грудь.

— Ну, кажется, хватит, — сказал Шелестов, захлопнул форточку, бесшумно прошелся по комнате несколько раз, сел опять за стол и поднес руку к воспаленным от бессонницы глазам.

Он постарался еще раз собраться с мыслями, самым придирчивым образом проверил собственные действия и вдруг даже приподнялся от новой, совершенно новой мысли, пришедшей в голову: почему у инженера Кочнева не оказалось вовсе денег? Не мог же он обходиться без денег, будучи в командировке? А если у него были деньги, то куда они могли деваться?

— Почему я не обратил на это внимания ранее? — задал себе вопрос майор. — Как я мог допустить такую оплошность?

Он быстро уложил документы в полевую сумку, с которой не расставался даже во время сна, кладя ее под подушку, и стал одеваться. Натянул на себя гимнастерку, опоясался ремнем, поправил кобуру с пистолетом, закрепил полевую сумку, надел дошку и меховую шапку. Посмотрел на часы и покачал головой:

— Рано еще, но ничего не попишешь, дело не ждет.

Он осторожно, стараясь не производить шума и не разбудить отдыхающих друзей, открыл дверь и вышел.

Мороз обжег до того, что сразу выдавил из глаз слезы.

На востоке едва-едва заметно отбелился краешек неба и бледно-розовыми бликами обозначил покрытые коркой льда окошки домов.

Шелестов закрыл нижнюю часть лица теплым шерстяным шарфом, сжал плотно губы и зашагал к квартире заместителя директора рудника. Тот, конечно, спал и никак не ожидал такого раннего визита.

— Мне нужно побеседовать с комендантом поселка и с кем-либо из работников финансовой части рудника. И чем скорее, тем лучше, — объяснил свое появление Шелестов.

— Это не составит никаких трудностей, — заверил Винокуров, — бухгалтер живет рядом со мной, за стеной. Человек он одинокий, и к нему можно зайти сейчас, а коменданта Белолобского не более как через час-полтора вы сможете увидеть в моем кабинете.

Шелестов извинился и оставил Винокурова...

Из беседы с бухгалтером он выяснил следующее: накануне своей смерти инженер Кочнев имел при себе всего лишь пятьсот рублей, которые он получил по своей просьбе, в виде аванса, в рудничной кассе. У него, правда, были два аккредитива на две тысячи рублей, но обменять их на деньги Кочнев мог лишь в Якутске. Пятьсот рублей Кочнев получил около шести вечера, последнего вечера перед смертью.

Шелестов навел справки в промтоварном и продовольственном магазинах рудничного поселка, в надежде выяснить, не издержал ли эти деньги Кочнев на приобретение чего-либо необходимого, но оказалось, что он даже не заходил в магазины.

Последнее обстоятельство окончательно озадачило майора.

«Неужели поводом к убийству инженера послужили эти несчастные пятьсот рублей? Неужели я столкнулся и в самом деле с обычным уголовным преступлением? — рассуждал майор. — Странное происшествие, очень странное...»

Шелестов уже хотел пройти в контору, чтобы повидаться с комендантом Белолобским, но передумал и решил вначале заглянуть на квартиру. Надо было выпить хотя бы крепкого чая.

Под ногами майора звонко похрустывал снег. Хорошо проторенная тропка довела до самой квартиры. Войдя в нее, Шелестов застал одну радистку Эверстову. Сидя у окна, она заплетала косы и, увидев майора, встала.

— Доброе утро, Надюша! — приветствовал ее майор.

— Что же это такое, Роман Лукич?! Вы совсем не спали и не кушали ничего, — вместо ответа на приветствие сказала Эверстова.

— А чай есть? — вопросом на вопрос ответил майор.

Эверстова быстро подошла к столу, на котором стоял медный самовар с помятыми боками, и, приложив к нему ладони, быстро отдернула их и потерла одну о другую.

— Еще совсем горячий. Садитесь, Роман Лукич, — и Эверстова взяла заварной чайник.

Шелестов сбросил с себя доху и сел за стол.

— А где товарищи?

— Пошли к самолету.

Майор с большим наслаждением выпил две кружки крепкого чая, съел несколько кусков калача и почувствовал себя значительно свежее.

— В котором часу сеанс с Якутском? — спросил он, вставая из-за стола.

— В одиннадцать, — ответила Эверстова.

И майор подумал, что пора уведомить полковника Грохотова о своем прибытии на рудник и о сути происшествия.

— Запишите, Надюша, я вам продиктую.

Эверстова взяла свою тетрадь, вооружилась карандашом и примостилась на уголке стола, заставленного едой и посудой.

— Слушаю.

— Пишите: «Полковнику Грохотову. На руднике, куда я прилетел ночью, убит представитель Главка инженер Кочнев. Убит выстрелом из пистолета в голову, в служебной комнате, с близкого расстояния, почти в упор. Служебные и личные документы Кочнева не тронуты, взяты лишь пятьсот рублей. Веду расследование. Шелестов». Зашифровывайте и отправляйте. Я буду в конторе.

* * *

В кабинете заместителя директора рудника майор Шелестов нашел ожидавшего его коменданта поселка. Белолобский сидел против Винокурова.

Они о чем-то беседовали.

— Я к вам, — сказал комендант, приподнимаясь с места.

— Сидите, сидите, — ответил Шелестов и сам присел к столу.

Внешний облик Белолобского являл собой полную противоположность Винокурову. Белолобский был высокого роста и, видимо, силен физически и крепок. Несмотря на возраст (ему было, как определил Шелестов, не менее пятидесяти), волосы его еще не тронула седина, на его грубоватом, обветренном лице почти совсем не было морщин. В отличие от мягкого, добродушного и даже несколько наивного выражения лица Винокурова, склад лица Белолобского, с выдающимся вперед подбородком, острыми, глубоко сидящими серыми глазами,

свидетельствовал о решительности и воле.

Только некоторая внешняя неопрятность коменданта пришлась не по сердцу Шелестову. Лицо коменданта было невыбрито, густые черные волосы, совершенно нерасчесанные, торчали копной.

«Видимо, одинокий и очень занятый человек, — нашел майор оправдание для коменданта. — Ведь такая должность в быстро растущем поселке крайне ответственна», — и задал Белолюбскому первый вопрос:

— Когда вы видели Кочнева в последний раз?

— Позавчера, между десятью и одиннадцатью вечера, — ответил комендант. — Я шел из дому к товарищу Винокурову поиграть в шашки и около конторы встретил Кочнева. Он прогуливался перед сном. Я сказал «доброй вечер» и пошел рядом с ним. Поговорили немного.

— О чем?

— Он поинтересовался, слышал ли я по радио сообщение о событиях в Корее. Я слышал и сказал, что новостей нет. И больше ни о чем не говорили. Уж больно сильно хватал мороз. Мы пожелали друг другу спокойной ночи и расстались.

— Вы пошли к Винокурову, а Кочнев остался прогуливаться?

— Нет, он тоже пошел к себе в контору.

В беседу вмешался Винокуров:

— В половине одиннадцатого товарищ Белолюбский был уже у меня.

Шелестов кивнул головой и спросил:

— И никто из вас двоих выстрела не слышал?

Оба ответили, что не слышали.

Шелестов, собственно, и ждал такого ответа. Конечно, они не могли слышать выстрела, который произошел в конторе, отдаленной от дома Винокурова не менее чем на двести метров.

— А когда вы расстались? — обратился Шелестов к обоим.

Винокуров ответил, что Белоловский ушел от него около двенадцати ночи.

— Да, около двенадцати, — подтвердил Белоловский.

Шелестов закурил папиросу и обратился уже непосредственно к коменданту:

— Куда идут дороги с рудника?

— С рудника идет одна-единственная дорога, в жилуху, как принято здесь говорить, на юго-запад, через Якутск. Но она после первого снегопада занесена начисто.

— Так-таки начисто?

— Абсолютно, — вмешался заместитель директора. — Ни пройти, ни проехать. Снег до пояса доходит, а местами и выше, пожалуй. Наземная связь до весны прекратилась. Да это не новость, — он махнул рукой, — так было и в прошлую зиму, когда я только приехал сюда. Я уже второй год здесь сижу...

— Но мне сдается, что одна дорога, хорошо накатанная, все же выходит из поселка? — спросил Шелестов коменданта.

Тот рассмеялся, и его грубо-суровое лицо стало добродушным.

— Правильно, правильно, — согласился Белоловский и закивал головой. — Одна таки дорога есть, но она кончается в полутора километрах от поселка, у замерзшего пруда, с которого мы возим лед и воду.

— Ага, понял. А скажите мне еще вот что: кто за последние дни из посторонних был на руднике?

Белолобский отрицательно замотал головой.

— Никто, — твердо заявил он. — Я понимаю, что вас интересует, но с той поры, как зима закрыла дорогу, никто у нас не появлялся, если не считать Кочнева да вас с вашими товарищами.

— Это точно?

— Совершенно точно, — подтвердил Белолобский.

Шелестов встал и прошелся по комнате.

— Ну что ж... — обратился он к коменданту. — У меня к вам вопросов больше нет.

— Можно идти? — спросил тот.

— Да, пожалуйста, — а когда комендант ушел, Шелестов сказал: — А все-таки, товарищ Винокуров, я попрошу вас проводить меня вокруг поселка. Следует посмотреть, нет ли следов, уходящих в тайгу. Как вы думаете?

— Я не возражаю, — согласился Винокуров, — но мне думается, что это напрасная затея. Никто к нам не приходил, и никто от нас не уходил. В этом я могу поручиться. Все обитатели поселка у меня в голове наперечет. Я могу вам сказать точно: шестьдесят два мужчины, сорок шесть женщин, двадцать пять детей в возрасте от трех месяцев до семи лет.

— Возможно, возможно. А все же пройдемтесь.

— С превеликим удовольствием. Такая прогулка, собственно говоря, даже для здоровья полезна. — И Винокуров стал облачаться в свою доху. — Погода стоит чудесная. Вот только холодновато маленько. Но я вижу, что вы тоже человек бывалый...

По дороге Винокуров говорил, не умолкая:

— А я, знаете, сам из-под Курска родом. Первое время думал, пропаду тут ни за понюшку табаку. Оробел вконец, а потом ничего. Странное существо — человек. Притащи сюда скотину с юга, она враз околеет, а наш брат — ничего. Все терпит. Да что с юга! Возьмите местного оленя. Уж, кажется, истый северянин, а вот покойный товарищ Кочнев мне рассказывал, что как-то ему довелось переваливать через Верхоянский хребет. И что же вы думаете? Не выдержали олени мороза. У двоих или троих легкие порвались. Вот оно как получается. А человек выдерживает любой мороз.

— А где вы работали до приезда сюда? — заинтересовался майор.

— На Алдане. Полюбил тайгу, здорово полюбил.

Восторгаясь тайгой, Винокуров проявил большую осведомленность. Он сообщил, что около четверти лесов земного шара сосредоточено в Советском Союзе, а по хвойному лесу СССР принадлежит первое место в мире.

— А вам приходилось бывать на Алдане? — спросил Винокуров.

Шелестов ответил, что приходилось и не раз.

— Алдан — большое дело! — воскликнул Винокуров. — Два десятка лет назад на месте Алданского района шумела тайга, а сейчас? Появились Незаметный, Сталинск, Ленинск, Орочен, Чульман, Лебединый, Джоконда, пальцев на руках и ногах не хватит перечесть все города, поселки, прииски. Просто диву даешься. Я ведь сам был свидетелем, как в двадцать пятом году на Алдане жило шестьдесят пять русских, сорок семь эвенков, и в том числе я, а теперь в одном Незаметном население под сто тысяч подпирает. Шутка сказать! А вы знаете, кто помог открыть залежи алданского золота?

— Каюсь, не знаю, — признался Шелестов.

— А я знаю, — и Винокуров закатился дробным смешком. — Помогли охотники — таежники эвенк Лукин и якут Марадынин. Я с обоими знаком был. Толковые товарищи. А что творилось на Алдане, когда слух о его золоте разошелся по стране! Жуть одна. Золотая горячка была. Буквально, золотая горячка, вроде как на Клондайке. Сколько бросилось в неприступную тайгу любителей легкой наживы! Сколько костей упрятала тайга! Ого! Алданом бредили! Я-то попал по

командировке, в двадцать пятом году. Тогда еще Амуро-Якутской магистрали и в помине не было. Я вылез из поезда на Большом Невере и на своих собственных все шестьсот километров отмахал. Через реки, болота, тайгу, хребты. Нас послали семь человек. Ну и хлебнули мы горя, вспомнишь, не верится даже. — Он помолчал немного, отдышался, поправил шарф и продолжал: — А теперь на месте тайги электрические драги, экскаваторы, бульдозеры, ремонтные заводы, электростанции, огороднические совхозы. На Алдане своих огурцов, помидоров, картофеля, капусты сколько душе угодно. А машинный парк? По-моему, не в каждом районе центральной полосы можно найти столько автомашин. Когда я уезжал, на Алдане было больше двух десятков школ, два техникума, партийная школа, более полутора десятков больниц и амбулаторий. Вот на что способен советский человек.

Шелестов шел и искоса бросал взгляды на шагающего рядом с ним словоохотливого заместителя директора. Ему нравились люди, любящие край, где они работают, интересующиеся им и знающие его всесторонне; те незаметные, простые советские люди, которые с любовью делают свое дело там, куда их посылают партия и народ.

— И вот, думаю я, — закончил Винокуров, — что будет вот здесь, где мы идем, через десяток лет? Трудно представить! Все, наверное, преобразится. Эх, если бы здесь не эта проклятая вечная мерзлота...

Они шли по самой окраине поселка, который подковой опоясывала тайга.

Шелестов внимательно осматривал снег. Он слушал Винокурова, но от его глаз не уходило ничего: ни накрап заячьего следа, ни лисий нарыск, ни маленькие отпечатки побежки коварного и злого горноста. Шелестов все примечал.

Он жил в Якутии уже тринадцать лет, исключая из них три года, проведенных во время Отечественной войны в тылах врага. Он сроднился с Якутией, познал ее народ, местные обычаи, изучил и освоил язык якутов, эвенков, приобрел в разных районах Якутии верных друзей.

Осматривая окраины рудничного поселка, Шелестов питал надежду наткнуться на след человека, выходящий из поселка, но эта надежда оказалась тщетной. Следов человека не было.

Потом Шелестов и Винокуров вышли на дорогу, ведущую к пруду. Здесь снег от почти непрерывной езды за льдом и водой был истолчен в пыль, которая походила на порошок нафталина. Такой снег не мог держать на себе никакого следа: ни копыта лошади, ни ноги человека.

Дорога напоминала собой окоп, протоптанный в снегу, и вскоре привела майора и Винокурова к пруду.

Пруд лежал в небольшом котловане и был загроможден вырубленным и заготовленным впрок льдом. Посредине пруда виднелась затянута тоненькой корочкой льда прорубь, из которой почти непрерывно черпали воду.

И осмотр пруда тоже ничего не дал. Шелестов, окончательно расстроенный, возвращался в поселок и почти не слушал своего спутника, который вновь принялся расхваливать красоты таежного края.

Видя, что майор молчит, Винокуров на некоторое время тоже умолк, а потом заметил:

— Я же вам говорил, что это пустая затея. У нас каждый человек на виду.

Шелестову не понравилась самоуверенность заместителя директора, и он сказал:

— Как же это получается? Люди все у вас на виду, всех вы знаете, а под носом у вас совершаются убийства?

Винокуров смутился. Он долго молчал, не зная, как ответить, и уже перед входом в поселок сказал:

— Виноваты... недоглядели. Я сам не могу понять, как это могло произойти.

Шелестов ничего не сказал. Они шли уже по поселку, и внимание майора привлек огромный пес, похожий на волка, неподвижно сидевший у порога дома, где отводили комнату всем приезжим.

Шелестов вспоминал, где он, уже не раз, встречал этого пса, но память дробилась, уводила куда-то далеко, и ничего не получалось.

Винокуров тоже заметил собаку и лыжи, приставленные к стене дома у самой двери.

— Смотрите-ка! — обратился он к Шелестову. — Еще кто-то в гости пожаловал. И собака, и лыжи. Видно, охотник-якут заглянул. Решил обогреться, чайку попить, покалякать и новости узнать. Они никогда мимо не пройдут. Для них крюк сделать километров в десять ничего не составляет.

Шелестов улыбнулся.

— Кажется, я догадываюсь, кто в гости пожаловал.

— Кто же это? — поинтересовался Винокуров.

— Сейчас скажу. Таас Бас! — громко позвал он пса. — Ко мне!

Пес приподнял голову, насторожил уши, но не двинулся с места.

— Таас Бас! — повторил Шелестов. — Не узнаешь? Забыл?

Нет, у пса была хорошая память. Он запоминал навсегда и хороших, и плохих людей. Стоило лишь с ними познакомиться. Второго оклика было достаточно, чтобы он сорвался с места, взвизгнул и помчался к Шелестову.

Винокуров от неожиданности струхнул, побледнел и отскочил в сторону, опасаясь попасть на зуб такому страшному с виду псу.

Но Таас Бас даже не обратил на него никакого внимания. Он вертелся вокруг майора, вздымая снежную пыль, прыгал, хватал его за рукавицы, радостно повизгивал.

— Ух, какой же ты огромный стал да пушистый, — ласкал собаку Шелестов. — Ну, довольно, довольно, хватит... Пойдем.

Винокуров, преодолев страх, приблизился.

— Старые знакомые? — спросил он.

— Да, очень старые, — ответил майор и добавил: — И пес, и хозяин — оба старые знакомые.

— Так мне можно идти?

— Да, пожалуй, — разрешил Шелестов и зашагал к квартире.

А там перед ним открылась такая картина: на столе клокотал в клубах пара все тот же самовар с помятыми боками, а на тарелках горками возвышались горячие пышки. У стола сидели летчик Ноговицын, механик Пересветов, радистка Эверстова и кто-то посторонний, спиной к дверям. Шла беседа. Собственно, говорил посторонний, а остальные внимательно слушали.

Никто не обратил внимания на вошедшего майора, хотя было ясно, что завтрак не начинали из-за него.

— Атас[8 - Атас — товарищ.] Быканыров! — громко сказал Шелестов.

Гость не по возрасту быстро повернулся, и глаза майора встретились с узкими и темными глазами охотника, живо глядевшими на него сквозь узкие прорезы век.

Старик так же быстро встал и с какой-то особой самобытной учтивостью и почтительностью направился к Шелестову.

— Дорообо, дорообо, Роман Лукич.

— Здравствуй, отец, здравствуй.

Они долго трясли друг другу руки, стоя посредине комнаты.

— Сколько же мы не виделись?

— Долго не виделись. Совсем долго...

— А все же?

— Однако с весны того года, — напомнил Быканыров.

— Правильно, — подтвердил Шелестов, усаживая гостя за стол. — А я увидел у дома твоего пса и никак не мог вспомнить, чей же он. Ну никак!

— Худо дело, совсем худо, — сочувственно и серьезно отозвался старик, будто и в самом деле поверил словам майора. — Не узнал Таас Баса, значит, глаза совсем плохие стали и память плохая. Лечить надо. Крепко лечить. Смотри, через год и меня не узнаешь.

— Шучу я, шучу, — заметил майор.

— А я тоже шучу, — рассмеялся гость.

Он свободно говорил по-русски, и только иногда в его речь вплетались обороты и выражения, свойственные коренным жителям Якутии.

Быканыров до революции работал по найму у русских купцов, в годы становления советской власти состоял в Красной гвардии и постоянно общался с русскими, потом, в течение двух лет, обучался в русской школе.

— Ты как же узнал, что я тут? — спросил Шелестов. — Ведь мы только вчера ночью прилетели.

— Не знал я, что ты здесь, Роман Лукич. Точно, не знал. Я к директору пришел. Сам пришел. Дело привело меня сюда. И хорошо, что ты тут. Расскажу тебе все.

— Дело делом, а сначала давайте завтракать. Как, друзья?

Все согласились, что это правильное решение. Эверстова начала разливать чай по эмалированным кружкам, и майор придвинул табурет к столу. Но, занятый едой, он украдкой разглядывал своего старого друга.

Волосы на голове Быканырова поредели, побелели, но оставались, как и прежде, жесткими, колючими, словно у ежика. Морщин прибавилось. Они напоминали собой щели. Но старость не портила лица Быканырова. Узко прорезанные живые и умные, но немного уставшие глаза его подчеркивали мудрость старческих лет. Они смотрели зорко, смело, как это бывает у людей, прошедших большую часть своей жизни среди природы. Обилие морщин говорило, как раны на теле закаленного в боях воина, о том, что за плечами старика лежала нелегкая жизнь.

— Все еще охотой промышляешь? — спросил майор, допив кружку чая.

Старик кивнул утвердительно головой и добавил:

— А ты подумал, что я негоден уже, стар стал?

— Скажи пожалуйста, — подтрунил Шелестов. — Выходит, что и годы тебе нипочем? Вечно молодой и вечно охотник?

Все рассмеялись. Рассмеялся и Быканыров. Морщины задрожали у него на лбу, на висках, на щеках и разбежались в разные стороны. Он даже как бы помолодел.

— Правильно сказал. Хорошо сказал. Вечно молодой и вечно охотник. Ноги крепкие, — ходить можно. Глаза все видят, — стрелять можно.

— А что ты тут без меня рассказывал?

Быканыров отставил недопитый чай, сдвинул редкие выцветшие брови, полез в карман, достал трубку и кисет с табаком. Он не торопился с ответом и, видимо, вспоминал, о чем шла речь до прихода майора.

Сухими тонкими пальцами с выпуклыми, миндалевидными ногтями Быканыров набил глиняную трубку, умял табак в ней и, уже задымив, заговорил, ткнув пальцем в грудь Ноговицына.

— Ему говорил, ему. Якут, а летает, как птица. Высоко летает, всех видит, всю жизнь нашу видит. Счастливый человек. А жизнь совсем другая стала. Я в его

годы ничего не видел. Купца одного видел и приказчика. Теперь советская власть всему учит, а нас учили: купца почитай, урядника уважай, Бога люби и бойся. А бога два было. Один шаман — наш, другой поп, русский, — ваш. — Быканыров закатился мелким смешком, сделал крепкую затяжку. — Ваш бог придет в тайгу, окрестит одного, а от него все православные идут, а когда помрет якут и хоронить надо, — наш бог приходит, шаман. — Он на минуту замолчал, задумался. — И тайга другая стала. Я ее всю исходил. Столько верст сделал, что шаману веревками не вымерять. Раньше в тайге ничего не было видно, а сейчас все видно. Раздвинулась тайга.

Встречи с Быканыровым всегда возвращали Шелестова к той далекой ночи, когда он впервые узнал старого охотника и нашел в нем верного друга. И сейчас, слушая Быканырова, майор вспомнил далекое прошлое. Шелестов не знал отца. Его отец убит током высокого напряжения за месяц до появления на свет сына. Плохо Шелестов помнил мать, умершую на седьмом году его жизни. Старик Быканыров, с которым он сдружился двенадцать лет назад, был, пожалуй, тем единственным человеком, на котором Шелестов сосредоточил свои сыновние чувства. Не было года, не считая трех военных лет, когда бы они, невзирая на огромные расстояния, их разделяющие, не встречались.

И с самой первой давней встречи Шелестов и Быканыров прониклись друг к другу глубокой, прочной и взаимной мужской симпатией, переросшей в большую человеческую дружбу.

Четко, ясно, зримо, во всех деталях стоит в памяти Шелестова та ночь, когда он, преследуя пробравшегося в тайгу из-за кордона диверсанта, попал с упряжкой оленей в большую полынью. Олени утонули, а сам он едва спасся, удержавшись на кромке льда. Но, спасшись от воды, он должен был неминуемо погибнуть от другого. Он лишился всего того, без чего человек в тайге при безлюдье и бездорожье, при пятидесятиградусном морозе вообще не может существовать: спичек, оружия, средств передвижения. Он не мог уже ни развести огня, ни добыть себе пищу, ни идти куда-либо в поисках людей и жилья.

А мороз быстро делал свое дело: Шелестов покрылся прочной, точно стальной панцырь, ледяной коркой, сковавшей все его члены.

Но ему не суждено было погибнуть. Семь дней Шелестов до этого находился в тайге, увлекшись преследованием диверсанта, и не встретил ни одной человеческой души, а тут, через каких-нибудь двадцать-тридцать минут после

случившегося с ним несчастья, внезапно, каким-то чудом появился человек.

Человек этот шел на лыжах. Это был Быканыров. Через считанные минуты уже горел костер, и Шелестов, упрятавшись в доху нового знакомого, сушил у огня свою одежду.

Узнав обо всем, Быканыров оставил Шелестова до следующей ночи одного, отдав ему скудные запасы пищи и даже ружье, а сам ушел и вернулся с двумя нартами.

Этот эпизод и положил начало дружбе.

Через месяц Шелестов сам навестил Быканырова, подарил ему свое бескурковое ружье двенадцатого калибра, с которым старик никогда более не расставался.

Трижды проводил Шелестов свой отпуск в таежной избушке Быканырова.

Они вместе охотились. Дважды старик, по приглашению майора, гостил у него в Якутске. Сколько было вместе продумано, пережито, переговорено за долгие северные ночи. Сколько поведали друг другу своих мыслей охотник и офицер-разведчик. Сколько незабываемого принесла эта большая дружба.

Выполняя боевое задание, Шелестов нередко прибегал к помощи Быканырова, как опытного проводника и надежного переводчика, владевшего не только родным и русским языками, но и языком эвенков, юкагиров, чукчей...

Углубившийся в воспоминания майор не заметил, как Быканыров умолк и вместо него стал говорить Ноговицын. И оторвался от своих мыслей майор лишь тогда, когда старый охотник обратился непосредственно к нему.

— Клава и Вера здоровы? — спросил Быканыров о жене и дочери Шелестова.

— Все в порядке, здоровы, и тебя помнят. В гости ждут.

— Приеду. Последней зимней дорогой приеду, — заверил старик. — Белок на шапки обеим привезу. И дело в Якутск есть.

— А помнишь, как ты мне в Оймякон вез лисят, а они у тебя по дороге сбежали?

— Однако помню, — ответил старик, кивая головой. — Помню, как и в Чурапчу приходил к тебе в гости, как угощал ты меня.

— Вот угощал я в Чурапче тебя плоховато, не криви душой, — улыбнулся Шелестов. — Не было тогда чем угощать.

— Э-э, неправильные слова говоришь, — возразил Быканыров. — Совсем неправильные. Неважно, чем угощал, а важно, что с душой, с сердцем.

Беседу друзей прервал вошедший в комнату Белолобский.

— Я к вам, товарищ майор, — обратился он, переступив порог.

Шелестов спохватился, что, увлекшись разговором, он на какое-то мгновение забыл, что привело его сюда.

— Меня прислал товарищ Винокуров, — продолжал Белолобский. — Как вы считаете, можно хоронить Кочнева?

— Нет, нельзя. Передайте Винокурову, что тело Кочнева надо сохранить до приезда сюда представителей судебной экспертизы. Это не составит особого труда при данной температуре. Как ваше мнение?

— Полностью согласен, — ответил комендант и вышел.

Шелестов встал, прошелся по комнате. Решил он, кажется, правильно.

Конечно, нельзя хоронить инженера. Везти тело покойного в Москву — дело очень трудное и практически неосуществимое. Придется сюда пригласить судебно-медицинского эксперта.

— А кто умер? — поинтересовался Быканыров и смахнул с колен хлебные крошки.

— Инженер. Инженер Кочнев, приехавший из Москвы, — пояснил Шелестов и добавил: — И не умер, а его убили, а кто — неизвестно.

От этих слов Быканырова точно подкинуло. Он вскочил со стула, подошел вплотную к майору и взял его за поясной ремень. По расположению складок на лице старика Шелестов определил, что он разволновался. Шелестов ждал, что скажет Быканыров.

Тот взглянул поочередно на каждого из присутствующих, решая про себя, можно ли посвящать в такое дело всех, и, приняв решение, сказал:

— Дело у меня. Большое дело. Не напрасно я тут. Чужой человек пришел в тайгу. Я не знал, что ты здесь. Хотел повидать директора и узнать, кто пришел сюда.

— Какой человек? — недоуменно спросил Шелестов.

— Не знаю, какой, но, видно, чужой.

— Ты видел его?

— Не видел. След видел. Таас Бас на след вывел. Темный, чужой человек не дошел до моей избы. Крюк сделал, а зачем делать крюк, если человек хороший. Три дня назад. Я пошел по следу и пришел на Той Хая. За полверсты от рудника потерял след. Совсем потерял. Снег выпал, и след пропал.

Сообщение Быканырова заинтересовало майора. Он усадил старика, сел рядом и попросил подробно рассказать обо всем.

Быканыров рассказал, как было дело, не упустив ни одной детали.

Шелестов думал: новые обстоятельства. Подозрительный человек мог появиться на руднике и уйти, не замеченный жителями поселка. И ничего в этом странного нет, тем более что выпал обильный снег. Но что заставило его появиться здесь на столь короткое время? Не имеет ли это какой-нибудь связи с убийством Кочнева? И неужели никто не мог заметить его прихода или ухода? Ведь приходил он не просто так, а к кому-нибудь.

Смутное, глухое беспокойство овладело майором.

«Уже вторые сутки идут, а ясности пока никакой нет, — волновался он. — Хотя бы, какая-нибудь маленькая зацепочка, а то, ну, ровным счетом ничего».

Он энергично потер лоб, встал и начал натягивать на себя кухлянку — легкую дошку из шкурки молодого оленя, шерстью наружу, с прорезом для головы и с длинными рукавами.

— Пойдем со мной, отец, — предложил майор Быканырову.

Старик встал и начал надевать доху.

— А нам какого-нибудь дела не будет? — спросил старший лейтенант Ноговицын.

— Пока нет. Отдыхайте. Много дела будет впереди, — ответил Шелестов и подумал: «Не все же время я буду топтаться на одном месте. Не может этого быть. Определенно, не может...»

С неба падали сухие и редкие, легкие, как пух, снежинки.

— Однако опять снег будет, — сказал как бы про себя Быканыров, поглядев на небо.

Они пошли по поселку. Почти изо всех труб ровными высокими столбами валил густой дым. Воздух был пропитан запахами свежесвепеченного хлеба, какого-то аппетитного варева, обжитых домов, жарко натопленной бани.

Следы

Шелестов и Быканыров сидели в конторе рудника друг против друга.

Молчали. Майор курил одну папиросу за другой, а старый охотник посасывал свою неизменную глиняную трубку. Она издавала то хрип, то свист, то отчаянно потрескивала, будто собираясь взорваться, но все же безотказно дымила и вполне устраивала старика. И он не решился бы сменить ее ни на какую новую.

Молчание нарушил Быканыров.

— Зачем ты позвал коменданта? — задал он вопрос.

Шелестов посмотрел в глаза старого друга и тихо ответил, выпуская клубы дыма:

— Поручу ему обойти все квартиры в поселке. Чем черт не шутит, может быть, кто и видел постороннего на руднике. Он же в конце концов человек, а не иголка.

— Хорошо задумал, хорошо, — одобрил Быканыров. Не имея к тому никаких оснований, он тоже почему-то связывал появление в тайге неизвестного с совершенным преступлением, а потому и высказал свое предположение: — Думаю так: человек на рудник пришел, а обратно не ушел. Тут, однако, остался. Я ходил долго кругом, следов нет. Совсем нет. Гладко кругом, тайга, снег.

— И это возможно. Вполне возможно, — согласился майор.

— А зачем коменданта посылать? — спросил Быканыров. — Сходи сам, или я схожу.

Шелестов отрицательно помотал головой:

— Нельзя. Неудобно. И ты, и я новые здесь люди и можем вызвать подозрение.

— Однако правильно, — быстро согласился Быканыров.

Шелестов, прежде чем обратиться за помощью коменданта, долго раздумывал, стоит ли посвящать лишнего человека в это странное происшествие. Вначале он решил поручить Винокурову обойти поселковые дома и побеседовать с их обитателями. Но только что покинувший контору Винокуров честно признался,

что был за все время работы на руднике не более чем в двух-трех домах и что его приход тоже может вызвать кривотолки. Поэтому пришлось остановиться на Белолобском.

Винокуров дал ему хорошую характеристику, отрекомендовал его человеком проверенным, энергичным, который с успехом справится и с более сложным поручением.

Со слов Винокурова, Белолобский пришел на Той Хая года полтора назад с Джугджурских приисков. Вначале его поставили работать на лесопилку, потом перевели в механический цех, затем выдвинули заведывать транспортом, а осенью назначили комендантом.

Опять на некоторое время воцарилось молчание, и опять его нарушил Быканыров.

— Зачем много думаешь? Голова заболит, — проговорил он. — Все хорошо будет. Сначала мало-мало плохо, а потом хорошо. Изловим худого человека, в тайге не скроется. Помнишь Ухгун атаха?

— Кого, кого?

— Ухгун атаха.

Шелестов невольно прикрыл глаза, и в его памяти ожило давно прошедшее. В сороковом году он и Быканыров долго ходили из одного конца тайги в другой в поисках диверсанта, пробравшегося из-за кордона. Он совершал поджоги в колхозах, факториях, на приисках и был неуловим. Якуты прозвали его Ухгун атах, что означает длинная нога. Диверсант не оставлял за собой никаких следов, действовал в одиночку и безнаказанно совершал преступления два месяца сряду. Шелестов утратил надежду изловить его, но все же изловил. И помог ему в этом старик Быканыров. Он упорно искал след диверсанта на восточной окраине Якутии и наконец набрел на него.

— Да, отлично помню, — заметил Шелестов. — Все-таки он не минул наших рук.

— И этот попадет, — заверил Быканыров.

В коридоре слышались шаги, раздался стук в дверь, и в комнату вошел комендант Белолобский.

Майор пригласил его сесть и сразу приступил к делу:

— Вы сможете, не вызвав особых подозрений и ненужных расспросов, обойти квартиры в поселке и проверить, нет ли где-либо в доме постороннего человека?

Белолобский усмехнулся, воткнул докуренную до «фабрики» папиросу в пепельницу и, в свою очередь, спросил:

— Вы мне не верите?

— Это как понимать?

— Я же не маленький. Слава богу, пятьдесят три года прожил на этом свете. Я же заверил вас, что в поселке нет посторонних. Ни одного человека. А вы не верите.

Шелестов нахмурился.

— Дело не в том, верю я вам или не верю. Я получил достоверные данные, что кто-то посторонний проник на днях в поселок и остался в нем.

Комендант взглянул мельком на Быканырова и пожал плечами.

— Кто может знать, какая и откуда нагрянет беда. Но если это так, то комендант я никудашный и гнать меня надо в шею. Нет, не может быть. Я сейчас могу рассказать вам, что делается в каждом доме, а вы нарочно проверьте. Хотите?

— Не особенно, — ответил Шелестов. — Я хочу, чтобы вы проверили, это будет удобнее.

— Пожалуйста. Если дело за мной, то я тут все вверх дном переверну.

— Этого как раз и не требуется, — пояснил майор.

Белолобский добродушно улыбнулся:

— Я шучу. Сделаю все так, что и комар носа не подточит.

— А сколько времени займет обход?

Белолобский задумался, и тут впервые на его покато лбу Шелестов подметил собравшиеся в гармошку тоненькие морщины.

— К ночи, пожалуй, управлюсь.

— Отлично! — и Шелестов встал. — Не стану вас задерживать.

* * *

Сгущались сумерки. Падал обильный снег, который предсказал Быканыров.

В избе Василия Оросутцева царил темнота.

Шараборина не было в комнате. Теплой комнате он предпочел сырое подполье. Забравшись туда, он постлал на землю медвежью шкуру, расположился на ней и заснул. Подполье не казалось ему особенно приятным местом, но он не решился спать в комнате. У него были на этот счет свои соображения.

«Что ни говори, а в подполье надежнее, — рассуждал он. — Там никто не увидит. Ему хорошо, — подумал он об Оросутцеве. — У него паспорт на руках. А мое дело собачье. А раз так — лезь в конуру».

Шараборин не слышал, как возвратился хозяин, как он отпер дверь, вошел в комнату. И лишь когда над его головой раздались тяжелые шаги и скрип прогнивших половиц, он очнулся и насторожился.

— Эй, таракан! Вылезай быстро! — громко скомандовал Оросутцев и притопнул повелительно ногой. Ему не трудно было догадаться, что гость сидит в подполье.

Шараборин не заставил себя долго ждать. Творило подполья приподнялось, и в черном проеме показалась бритая голова гостя.

— Быстрее, — раздраженно торопил Оросутцев.

— Что так? — спросил Шараборин, и на лице его отразилась смесь удивления и испуга.

Оросутцев не удостоил его ответом.

Шараборин вскарабкался наверх, напустив из подполья в комнату сырого затхлого воздуха.

— Заячья душа, — скривил губы Оросутцев, и в лице его появилось что-то свирепое. — Чего черт понес тебя в подполье? Стучался кто, что ли?

Шараборин только покрутил головой. Он не стал объяснять, чем был вызван его переход в подполье. В таком случае пришлось бы признаться в ничем не оправданной трусости. Человеку, совесть которого черна, всегда не по себе одному, и он не знает, куда себя деть. Он уселся на табурет, зевнул, протер кулаками заспанные глаза, почесал за пазухой и попросил папиросу.

Оросутцев подал ему пачку «Беломорканала» и спички.

Шараборин закурил, потянулся рукой к выключателю, чтобы зажечь свет в комнате, но хозяин остановил его:

— Не надо. Одевайся. Оставаться у меня в доме и в поселке далее опасно. Понял? Этот майор уже знает, что на рудник пробрался кто-то посторонний. Тебя, видно, выследили.

У Шараборина перехватило дыхание. Ему показалось, что на его горле затягивается петля-удавка, и он невольно сделал такое движение, будто хотел освободиться от нее. За последние дни он и без того не чувствовал внутренней собранности, а тут...

— Никто меня не видел, — неуверенно запротестовал он.

— Это ты так думаешь, чучело гороховое, а что думает майор — нам неизвестно. Да и не время разбираться, видел тебя кто или не видел. От этого нам не легче. Одевайся, становись на лыжи и дуй в тайгу. Прямо по дороге, через пруд. Засядь там, где ночевал осенью, и жди меня. Я управлюсь кое с чем и к полночи подойду. Тогда пойдем вместе. Мне тут тоже делать больше нечего. Где спички?

Шараборин возвратил спички. Оросутцев сунул коробку в карман. И сделал он это неслучайно. Он отлично знал, что без огня и продуктов Шараборин не рискнет, не дожидаясь его, уйти далеко в тайгу. Оросутцев был кровно заинтересован в том, чтобы Шараборин подождал его. Шараборин сейчас, как никогда, был ему нужен.

— Торопись, торопись, — подгонял хозяин гостя, видя, что тот не особенно торопится.

Шараборин одевался молча. Если бы не темнота в комнате, Оросутцев мог бы прочесть на лице его отчаяние и негодование. Шараборин кипел от ярости, от сознания того, что через считанные минуты он вновь окажется в тайге, которая сидит у него уже в печенках, на холоде, на снегу, без продуктов, без курева, без охотничьих припасов. И возмущение его было так велико, что он не выдержал.

— Так не пойду, — сказал он вдруг с неожиданным для него упрямством. — Не пойду. Харчи давай. Ты хозяин, а хозяин даже собаку кормит.

Оросутцев скрипнул зубами. Он не терпел, когда ему перечили.

— Не ворчи, — оборвал он гостя. — Ишь ты, разворчался, — и передразнил: — Хозяин... собаку... Возьми на полке калач и ступай. Ступай, пока идет снег, и след твой заметет. Ох, достукаешься ты опять до лагерей, чертова кукла. — И он подал Шараборину черствый калач.

Тот сунул его под доху, но не двинулся с места.

— Говори, куда пойдем вдвоем? — потребовал он настойчиво. — Зачем ожидать тебя?

— После узнаешь, ступай.

Шараборин потоптался на месте, посопел и опять глухо потребовал:

— Говори сейчас.

«Вот же сволочь скуластая, ну что с ним делать?» — в сердцах подумал Оросутцев, но решил изменить тактику, смягчить тон.

— Пойми же, что долго объяснять. Каждая минута дорога. После расскажу. Приду и расскажу. Далеко пойдем. Я же о тебе пекусь, о тебе забочусь. Товарищ ты мне или кто? Пойдем вместе, верь мне, и ты не прогадаешь.

Не верил Шараборин, что в сердце Оросутцева могли вдруг прорасти зерна товарищества, доброты и заботы о нем. Но он промолчал и предупредил:

— Смотри, майора за собой приведешь по следу.

Оросутцев едва сдержал охватившее его негодование, шумно вздохнул, но сказал как можно спокойнее:

— Ступай, ступай, ради бога. У меня свои мозги есть и у тебя занимать не собираюсь. Ступай...

— Сеп, сеп[9 - Сеп — ладно.] ... — уже миролюбиво проговорил Шараборин и толкнул дверь ногой.

Оросутцев долго стоял, прислушиваясь, и, когда его ухо ясно уловило скрип удаляющихся лыж, включил свет.

* * *

До глубокой ночи прождал майор Шелестов, сидя в рудничной конторе, коменданта Белолобского и, не дождавшись, пошел на свою квартиру.

— Видно, не так все просто, как я предполагал и как рассчитывал комендант, — сказал он самому себе, шагая по уснувшему поселку. — Но почему он не зашел и

не предупредил меня, что дело затягивается? Чудак человек! Зайти к Винокурову, что ли? Спит, наверное. Ну, ладно. Утро вечера мудренее.

Снегопад прекратился. Вызвездило. Тайга безмолвствовала, и крепчал мороз. Снег под ногами похрустывал особенно звучно. До слуха Шелестова долетел звук, похожий на ружейный выстрел, и майор догадался, что это треснуло дерево в тайге, не выдержавшее лютой стужи.

Из-за ровной гряды леса на небо выползала поздняя луна. Ее рассеянный свет разливался по поселку.

Разлапистая ель, растущая у общежития для приезжих, припущенная свежим снегом, при свете луны напомнила Шелестову японскую живопись, которую он видел на открытках, тарелках, гобеленах.

В доме все спали. Кто тихо, совсем неслышно, точно младенец, а кто с переливчатым бульканьем, похожим на мурлыканье кота.

Шелестов не находил в себе больше сил сопротивляться сну, к которому его, после бессонной ночи, неодолимо тянуло с полудня.

Он чувствовал, как тяжелела и точно чем-то наливалась голова, как набухали и слипались воспаленные веки.

— Спать... Немедленно спать... — приказал он сам себе. — Иначе завтра я не буду ни на что способен.

Бросив усталый взгляд на стол, заставленный едой, и не соблазнившись ею, он вяло разделся, повалился на койку и сразу утратил ощущение действительности.

И когда его растормошили, заставили открыть глаза и оторвать голову от теплой подушки, Шелестову показалось, что он только что прилег и проспал всего лишь несколько минут. Но через замерзшее окно был виден солнечный свет, его друзья сидели за столом, а около его изголовья стоял, переминаясь с ноги на ногу и пощипывая бородку, в своей неизменной волчьей дохе, Винокуров.

Майор приподнялся.

— Который час? — спросил он.

— Без четверти десять, — ответила Эверстова.

— Отвернитесь, Надюша. Я быстро, одним мигом, — попросил он, сбрасывая с себя одеяло.

Когда Шелестов взглянул в голубые глаза Винокурова, он подметил в них какую-то тревогу:

— Какие новости?

Винокуров только этого и ждал.

— Плохие новости. Пропал куда-то комендант, товарищ Белолобский. С утра не найдем. Я буквально с ног сбился и людей загонял до седьмого пота. Нигде нет. Ни дома, ни в поселке, ни на руднике. Ума не приложу, куда мог деваться человек? С ним никогда подобного не приключалось. Всегда он был на виду, под руками. А тут... Вот напасти навалились на нас, — выпалил он скороговоркой, не переводя дыхания, и, вынув носовой платок, обтер влажное лицо.

— Интересно... Странно... — заметил Шелестов, обертывая ноги шерстяными портянками, а про себя подумал: «Этого еще не хватало. Не наткнулся ли он, чего доброго, на пулю, подобно Кочневу».

Сообщение Винокурова встревожило всех. Его окружили Ноговицын, Пересветов, Эверстова и забросали вопросами. Не отправился ли комендант на охоту? Есть ли у него семья? Где он был вечером? Кто с ним живет по соседству? Продолжаются ли розыски?

Винокуров едва успевал отвечать.

— Когда вы его видели в последний раз? — спросил Шелестов, приведя себя в полный порядок.

— Вчера, вчера, когда посылал к вам.

Шелестов перевел глаза с расстроенного Винокурова на пустую, тщательно заправленную койку, отведенную для старика-охотника.

— А где наш гость, товарищ Быканыров?

Ответила Эверстова:

— Он проснулся еще затемно и, видно, нашел себе какое-нибудь дело. Оделся и куда-то отправился.

Майор ничего не сказал. Надев доху, он вышел, а за ним последовал и Винокуров.

Под лучами солнца снег был до того ярок, что слепил до боли глаза, и Шелестов сощурил их.

— Что будем делать? — беря под руку майора, спросил Винокуров.

— Что-нибудь предпримем. Подумаем и предпримем, — сказал майор, хотя в данную минуту сам еще не представлял, что надо предпринять. Сообщение об исчезновении Белолобского осложнило и без того уже сложную ситуацию.

«Убит Кочнев... На рудник пробрался кто-то неизвестный... Исчез комендант... — перебирал Шелестов очевидные факты. — Да, тут и черт ногу сломает».

— Неплохо бы произвести обыск во всех домах, — осторожно предложил Винокуров.

«Умнее ничего не придумаешь?» — хотел спросить Шелестов, но, не высказав своего мнения, спросил о другом:

— Белолобский пил?

— Не замечал. Чего не замечал, того не замечал. Он всегда был на глазах, всегда был чем-нибудь занят, а свободное время проводил или за шахматами, или у меня, или в библиотеке.

— Семья у него есть?

— Нет. Никого. Он одинокий.

— Коммунист?

— Беспартийный, но добросовестно готовился к вступлению в партию. Он аккуратно посещал открытые партсобрания, участвовал в выпуске стенной газеты, сам выступал с разоблачительными статьями.

— Не насолил он тут кому-нибудь?

Винокуров растерянно развел руки.

— Затрудняюсь даже ответить. Помню, он как-то вывел на чистую воду завмага Сироткина. Тот менял продукты на пушнину, а пушнину сбывал в частные руки.

— Ну и что?

— А ничего. Сироткина привлекли к ответственности и осудили.

— Да... — протянул Шелестов и хотел еще о чем-то спросить Винокурова, но вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку. Он оглянулся и увидел улыбающееся лицо Быканырова.

По заиндеветым бровям, ресницам, шарфу старика Шелестов сразу определил, что тот давно находится на морозе.

— Где пропал? — спросил майор.

Подтянувшись к уху майора, старик шепотком доложил:

— Разговор есть. Большой разговор. Новости добыл. Ищи лыжи и пойдем со мной.

Хорошо зная старого охотника, Шелестов не допускал мысли, что тот без особого основания оторвет его от разговора.

— Ищите коменданта, — сказал он Винокурову. — Не может же человек бесследно пропасть. Ерунда какая-то! Соберите коммунистов, комсомольцев и заставьте их обследовать весь поселок. Он мне самому очень нужен. Прямо чудеса в решетке происходят на вашем руднике.

— Попробую, попробую... — согласился без возражений Винокуров и засеменял к рудничной конторе.

Шелестов взял под руку Быканырова.

— Слышал, старина? Белолобский куда-то как сквозь землю провалился. Что здесь происходит, никак не возьму в толк. А что у тебя за новости?

— Лыжи ищи, лыжи... Надо. Шибко надо. Все узнаешь. Пойдем на пруд.

— Куда?

— На пруд. Покажу что-то.

* * *

Вокруг проруби свежий снег был испятнан многочисленными человеческими следами, и в этом Шелестов не нашел ничего необычного. Он уже знал, что с пруда почти непрерывно в течение дня возят воду и лед.

Но метрах в пятнадцати от проруби Быканыров показал на чистый снег, и Шелестов увидел большие, точно впечатанные... не человеческие следы.

— Медведь! — воскликнул майор и опустился на колени. — Ей-богу, медведь! Подумать, куда его занесла нелегкая! Видно, воды захотел. Да-а, это опасный

гость. Медведь, отказавшийся зимой от лежки, зверь беспокойный и неприятный.

Быканыров молчал, стоя рядом и попыхивая трубкой.

Таас Бас энергично обнюхивал след, тянул носом и вел себя беспокойно.

— Ишь, почуял звериный дух, — заметил Шелестов и погладил собаку. — Хороший пес, умный, жаль вот только, что у тебя голоса нет. Все бы медали золотые тебе достались. Как, отец?

Быканыров продолжал молчать.

Шелестов поднялся, сдвинул сползшую на лоб шапку и полез в карман за папиросами, не отрывая в то же время глаз от медвежьего следа.

— И махина же, видать! Смотри, какие лапищи! Вот бы с такого шкуру снять. Неплохо, совсем неплохо. Она у него громадная, ворсистая, пышная, теплая. Такую и Якутпушнина примет.

— Значит, хорошую зверину нашел старик? — выбивая трубку, заговорил Быканыров.

— Куда уж лучше, — ответил майор.

Старик усмехнулся и покачал головой:

— Однако это не медведь.

Шелестов с удивлением уставился на него, потом посмотрел на след.

— А кто же?

— Не медведь.

— Хм... интересно. А кто же, по-твоему? Уж не дух ли чей в медвежьей шкуре? И кто говорит — старый охотник.

— Зачем обижаешь старика? — огорчился Быканыров. — Правду я сказал. Правду. Лапы медведя, но шел не медведь.

— Ну что мне с тобой делать, — немного нервничая, проговорил Шелестов и вдруг рассмеялся. Уж больно серьезным для такой обстановки показалось ему выражение лица Быканырова.

И Шелестов не мог понять в конце концов, шутит ли старик, разыгрывает его или говорит серьезно.

«А я-то что, — подумал он, — снял чуть не два десятка шкур с медведей и вдруг не могу разобраться, чей это след». — Майор вторично опустился на колени и стал тщательно осматривать отчетливые вмятины на снегу.

— Слушай меня. Дело говорю, — подошел к нему Быканыров. — Не медведь шел, а глупый дурак. Совсем глупый. Медведь хоть и зверь, а у него поучиться можно, а это дурак.

— Ничего не понимаю. — Шелестов поднялся.

— Пойдем по следу? — спросил Быканыров. — Я один не хотел.

— Что за вопрос, конечно, пойдем.

— Таас Бас! — позвал Быканыров.

Пес лакал холодную воду из проруби. Он оторвался от воды, поднял голову, насторожил уши и стал облизываться.

— Вперед! — подал команду старик и показал рукой на след.

Друзья пошли вслед за собакой, но не прямо по следу, а сбоку от него.

Шелестов был явно озадачен и молчал. Хотя теперь на глубоком цельном снегу след вырисовывался не так отчетливо, как на пруду, майор не мог согласиться с утверждением Быканырова, что прошел не медведь.

Достигнув ложбинки, заросшей молодыми елками, друзья скользнули по крутой снежной осыпи вниз.

След вел по дну ложбинки. Дорогу преградила большая, отжившая свой век, сваленная ветром и полузанесенная снегом трухлявая сосна.

Таас Бас остановился и присел, готовясь к прыжку.

— Смотри-ка! — сказал Шелестов. — А ну-ка, пальни в нее!

По стволу сосны юрко запрыгала упитанная, пепельного цвета белка с оттопыренными щеками. Она, казалось, не боялась опасности.

— На медведя охотимся, на зайца не смотри, — с укором сказал Быканыров и свистнул.

Белка с сосны прыгнула на елку и скрылась.

Друзья пошли дальше. След вывел их из ложбинки на небольшую поляну, окруженную березами и елями, и оборвался у разоренного ветвяного шалаша.

Тут же чернели еще не засыпанные снегом остатки перегоревшего костра, обгоревшие спички, окурки от папирос.

Поляна была вытоптана человеческими ногами, и от нее в тайгу уходил след свежепроложенной, отлично видимой лыжни.

Таас Бас рвался вперед, по лыжне, но старик сдержал его.

— Где же твой медведь? — спросил он с усмешкой Шелестова.

— Ничего не понимаю, хоть убей, — признался майор.

— То-то. Человек оставил след, а не медведь. Я сразу увидел.

— Но как? Как? — горячо заинтересовался Шелестов. — Почему я не разобрался? Да и сейчас я еще не совсем уверен.

Быканыров ухмыльнулся, снял рукавицу, отодрал сосульку от шарфа и полез в карман за табаком и трубкой.

— У человека два глаза, а у охотника четыре, — набивая трубку махоркой, начал он в поучительном тоне. — Тот глупый дурак подвязал к рукам и ногам лапы медведя. Думал, не поймут люди. А я понял. А почему понял? Идем сюда, — и старик сделал несколько шагов назад, туда, где еще был виден след медведя. — Смотри! Разве у медведя задние ноги одинаковые? А? Видишь, обе левые...

Шелестов опустился на одно колено, всмотрелся. Точно. Правая задняя нога «медведя» оставляла отпечаток левой ноги.

— И как же я прохлопал? — и майор с досадой стукнул себя по лбу.

Быканыров, довольный своим открытием и проницательностью, покуривал трубку и улыбался.

— Теперь мне все ясно, — сказал наконец Шелестов. — Интересно, кому понадобилась такая хитрая маскировка? Вот бы что хотел я сейчас знать.

— Узнаем. Придет время и узнаем, — заметил уверенно старик. — Может быть, комендант пошутить захотел, — добавил он.

Они возвратились вместе на поляну. Шелестов собрал окурки от папирос, обернул их носовым платком и положил в карман. Он начал обследовать место, где стоял шалаш, в надежде обнаружить что-нибудь ценное, а Быканыров занялся изучением следов.

Майор перевернул хвойный настил, который, видимо, прошедшей ночью служил кому-то постелью, разгреб золу, раскидал обгоревшие головешки, но ничего не нашел.

— Жаль, очень жаль, но ничего нет, — сказал он вслух и обратился к Быканырову: — Ну что там нового?

— Все новое. Все хорошо, — по-молодому звонким голосом ответил старик. — Двое здесь было, а не один. Точно двое. Один пришел до снега. Ждал, ломал лапник, делал шалаш, огонь разводил. Долго сидел, потом лежал. Другой пришел с рудника. После снега пришел. А ушли вместе. На лыжах ушли. И не шибко давно. Однако прошло часов десять. Теперь они далеко, совсем далеко. Шибко пошли. Один русский, другой якут. Один с палками пошел, другой без палок.

Шелестов стоял. Внешне он ничем не проявлял охватившего его волнения, но внутри у него все горело. Он готов был сейчас же побежать по горячему следу, оставленному неизвестными, но здравый рассудок подсказывал, что так поступать нельзя. Во-первых, надо было скорее возвращаться на рудник и продолжать расследование; во-вторых, догонять на лыжах людей, ушедших вперед чуть ли не на полсутки, было просто бессмысленно.

— Пойдем обратно, — сказал майор.

По пути в поселок Шелестов пытался разобраться с тревожившими его мыслями, предположениями, напрашивающимися догадками, но их было так много, что все его усилия и старания привести их в определенную систему ни к чему не привели.

Вначале у Шелестова появилась уверенность, что, обнаружив следы, ушедшие в тайгу, он добился чуть ли не главного на пути к раскрытию преступления, но чем ближе они подходили к поселку, тем эта уверенность становилась слабее.

Пока все факты: убийство Кочнева, появление вблизи рудника неизвестного, загадочное исчезновение коменданта, следы под медведя, лыжня, ушедшая в тайгу, в глазах Шелестова не имели между собой взаимосвязи и представлялись разрозненными, каждый сам по себе.

«А возможно, так и в самом деле?» — спрашивал сам себя майор. С другой стороны, невероятным казалось такое нагромождение случайностей, если бы они не имели какой-то общей причины.

Но и от такого вывода ему пока не делалось легче.

— Гляди! — позвал его Быканыров и показал рукой.

Оказывается, они уже достигли пруда.

На сосне у самого пруда сидел большой, черно-бархатистого цвета косач с хвостовой лирой. Он, не обращая внимания на людей, ощипывал хвою и преспокойно глотал ее, вытягивая длинную гибкую шею.

— Теперь можно стрельнуть, — сказал старый охотник и вскинул бескурковку.

Он начал выцеливать птицу. Щелкнул выстрел. Эхо отозвалось звонко, раскатисто. Петух камнем упал к подножию сосны, и к нему бросился, ныряя в глубоком снегу, Таас Бас.

Когда друзья достигли поселка, Шелестов спросил:

— А как ты думаешь, отец. Один из этих двоих не тот ли тип, что не захотел показаться в твоей избе?

— Не знаю. Думаю. Видно будет.

— Я хочу тебя попросить, — вновь заговорил майор, — вместе начать охоту на этого человека с медвежьими ногами. Как смотришь ты на это?

Старик выдержал небольшую паузу и ответил:

— Якут колхозник знает, кто приносит беду в тайгу. Чтобы изловить худого человека, пойду далеко с тобой. На самый край пойду. Тайга, тундра, море, — везде найдем.

Новое преступление

Василий Оросутцев и Шараборин шли на лыжах уже почти сутки. Первое время впереди шел Шараборин, прокладывая лыжню на цельном снегу, а затем его сменил Оросутцев. И не потому, что так хотелось тому или другому, а потому, что у Шараборина сломалась пополам правая лыжа, и ему теперь легче было идти вторым, а не первым. И нужно же было ей сломаться в такое неудачное время! Во-первых, починка лыжи отняла добрый час; во-вторых, лыжа получилась уже не та, стала короче левой, непослушнее. Сыромятный ремень, скрепляющий два конца лыжи, тормозил движение, затруднял его.

Расстояние, пройденное более чем за полсутки, равнялось теперь, после поломки лыжи, часовому расстоянию.

Оросутцев нервничал. Он понимал, что так далеко им не уйти. Он также понимал, что на руднике его исчезновение уже обнаружили, наверное, начали розыски. Он поставил перед Шарабориным одну задачу: поскорее добыть в тайге оленей и нарты, хотя сам сознавал, что задача эта не из легких. В колхозы, на стойбища охотников ни он, ни Шараборин показываться не решались, так как опасались действовать открыто. Надо было отыскивать одиночек охотников, у которых без опасений можно отобрать оленей или же украсть оленей где-либо, не обнаруживая себя.

Шараборин нервничал не менее своего старшего сообщника. Он отлично понимал, что от него требуется, но за эти последние сутки, как никогда ранее, его охватило чувство растерянности и неуверенности. И к этому были причины. Он не знал, а Оросутцев не объяснил еще ему, куда они держат путь и каковы их цели. Следуя указаниям Оросутцева, Шараборин выждал его в тайге, за прудом, недалеко от рудничного поселка, и вот они идут, а как долго будут идти и что им это даст, Шараборин не представлял.

Шараборина не удивило то обстоятельство, что, выбираясь из поселка, Оросутцев прибег к медвежьим лапам, но его удивляло другое: почему молчит Оросутцев о том, куда они держат путь, почему он прячет под фуфайку фотоаппарат, хотя Шараборин уже заметил его.

До аварии с лыжей Шараборин хотел было поставить вопрос ребром и объявить Оросутцеву, что не хочет быть его попутчиком. Объявить это и податься в другую, нужную ему сторону. Но теперь он отказался от этой мысли. Надо было выждать немного, хотя бы до той поры, пока они найдут оленей.

И, решив так, Шараборин действовал со свойственным ему упорством. Он делал крюки, спрямлял дорогу, залезал в крепи, где, он предполагал, вероятнее всего можно было наткнуться на олений след или на шалаш охотника, но все было пока безуспешно.

А ночи, казалось, не будет конца. Она как бы назло, остановилась.

— Протопали столько — и напрасно, — с раздражением сказал Оросутцев и остановился.

Шараборин молчал. Ему нечего было возразить. Он, кажется, и вправду потерял свое звериное чутье, которое не раз в жизни выручало его. Оно приводило его к воде, когда мучила жажда, к кочевью, когда требовалось тепло, к стаду оленей, когда ноги отказывались идти, а идти следовало быстрее. Исчезло это чутье, будто его и не было, и тыкался Шараборин по тайге, как слепой щенок.

Про себя он думал сейчас, что оленей им, наверное, не найти, но поделиться этой мыслью с Оросутцевым опасался.

— Отдохнем немного, — сказал Оросутцев и опустился прямо на снег. — Выдохся я вконец.

— Отдохнем малость, — согласился Шараборин.

Он тоже измотался и, пожалуй, еще больше Оросутцева нуждался в отдыхе. И, кроме того, ему причиняла беспокойство треснувшая от мороза нижняя губа. И ранка-то, казалось, небольшая, но она саднила и вызывала боль. Губа распухла. Когда Шараборин неосторожно повертывал голову и задевал губой о шарф, ему хотелось кричать от боли. Он и говорить старался поменьше, чтобы не тревожить губу.

Оросутцев и Шараборин расположились на голом снегу, освободив натруженные ноги от лыж. Они не имели даже сил сделать настил из хвои.

Оросутцев полез в свой дорожный мешок, извлек оттуда два небольших куса промерзшего мяса и один из них бросил Шараборину.

Промерзшее мясо вообще есть трудно, а с треснувшей и распухшей губой тем более. Еда причиняла Шараборину нестерпимые муки и вызывала в его сердце горечь и обиду. Шараборин не ел мясо, не кусал, а точил кончиками зубов, как зверь-грызун.

Холодное мясо не утолило голода, не прибавило сил. Неудовлетворенные едой, они закурили.

— Плохо будет, если к завтрашнему дню не найдем оленей, — проговорил Оросутцев, и эти слова вылетели у него произвольно, вместе с табачным дымом.

— Найдем, — постарался успокоить его Шараборин, хотя сам в это не верил, а если и верил, то очень слабо.

— Придется всю ночь бродить, а отдыхать будем днем, — сказал далее Оросутцев.

— Как хочешь, — согласился Шараборин.

Сквозь черные купы сосен и елей показалась поздняя луна, и от нее по снегу поползли расплывчатые тени.

Мороз крепчал, и его студеное дыхание уже начало пробираться под одежду Оросутцева и Шараборина.

— Ну и жжет, — и Оросутцев зябко подергал плечами. — Если так посидеть с пол часа, — околеть можно.

Шараборин подумал:

«Сейчас опять пойдем искать оленей, и опять я не буду знать, для чего мы их ищем и куда торопимся».

Он долго боролся с собой, наконец не выдержал:

— Зачем ты меня с собой тянешь? А? Зачем я тебе? У меня другой план есть.

Оросутцев поднялся и начал закреплять лыжи на ногах. Шараборин решил, что Оросутцев сделает вид будто не расслышал его вопроса и промолчит, но тот ответил:

— Как только найдем оленей, все тебе расскажу.

— Почему так?

— Ну что ты за человек! — сдерживая раздражение, заявил Оросутцев. — Неужели тебе не ясно, что делаю я все не ради своего удовольствия, а потому, что так надо. И ты тоже поймешь, что это надо. Пойдем. Теперь иди ты впереди, я эти места плохо знаю.

— Я тихо пойду, — предупредил Шараборин.

— Неважно. Я тоже уже быстро не пойду.

Они оставили место привала и долго еще петляли по таежной темноте.

Ветви исхлестали, а острые иглы молодого сосняка искололи в кровь их лица.

Ноги у обоих набухли, отяжелели от усталости и переставали слушаться. Уже далеко за полночь перебираясь через неглубокий, вымерзший до дна и занесенный снегом ручей, Оросутцев и Шараборин вдруг совершенно неожиданно наткнулись на следы оленей и нарт.

Они остановились и замерли на месте, стараясь проследить за убегающим следом, пока он давался глазу.

И как будто сил сразу прибавилось, и не так холодно стало. Шараборину показалось, что даже губа его перестала саднить.

— Не обмануло меня чутье. Все сюда, сюда, в эту сторону тянуло.

Я чувствовал, — сказал он, хотя, конечно, на след оленей и нарт наткнулись совершенно случайно.

— Да, проводник ты что надо, — высказал похвалу Оросутцев. — Хорошо ты знаешь тайгу, чувствуешь себя в ней, как дома.

Это польстило Шараборину, но в то же время и немного насторожило его.

Он так мало слышал похвал из уст Оросутцева, что не мог поверить в искренность и этой, и опасался, что похвала имеет особый, неразгаданный им смысл.

Шараборину, да отчасти и Оросутцеву, проведшим долгие годы в тайге, не составляло труда определить, куда и когда прошли олени, впряженные в нарты.

— Они прошли утром, совсем рано, и туда, налево, — сказал убежденно Шараборин. — Сытые олени, бегут здорово.

— Пошли налево, — предложил Оросутцев.

Идти по следу, оставленному несколькими оленями и двумя нартами, стало куда легче. Оросутцев и Шараборин затрачивали меньше сил на движение.

Шараборин сообразил, что оленями, видно, управлял хороший и знающий местность погонщик, так как след не вилял, а тянулся почти прямо через поляны, опушки, небольшие оконца в тайге, пересекал замерзшие пруды, ручьи, озера.

Луна уже поднялась высоко, и в ее призрачно-обманчивом свете рисовались фантастические картины. Каждый пень казался издали человеческой фигурой, застывшей в напряженном ожидании чего-то; снежные нависи на деревьях оборачивались в чудовищных зверей; дорогу преграждало вдруг непонятное, неестественное препятствие, в то время как на самом деле ничего не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Улахан тойон — большой хозяин.

2

Тогор — друг.

3

Капсе — говори, рассказывай. Часто употребляется якутами вместо приветствия.

4

Сох капсе — нечего рассказывать.

5

Дорообо — здравствуй.

6

Арыгы бар — Водка есть?

7

Учугайда — хорошо.

8

Атас — товарищ.

9

Сеп — ладно.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/georgiy-bryancev/sledy-na-snegu>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)